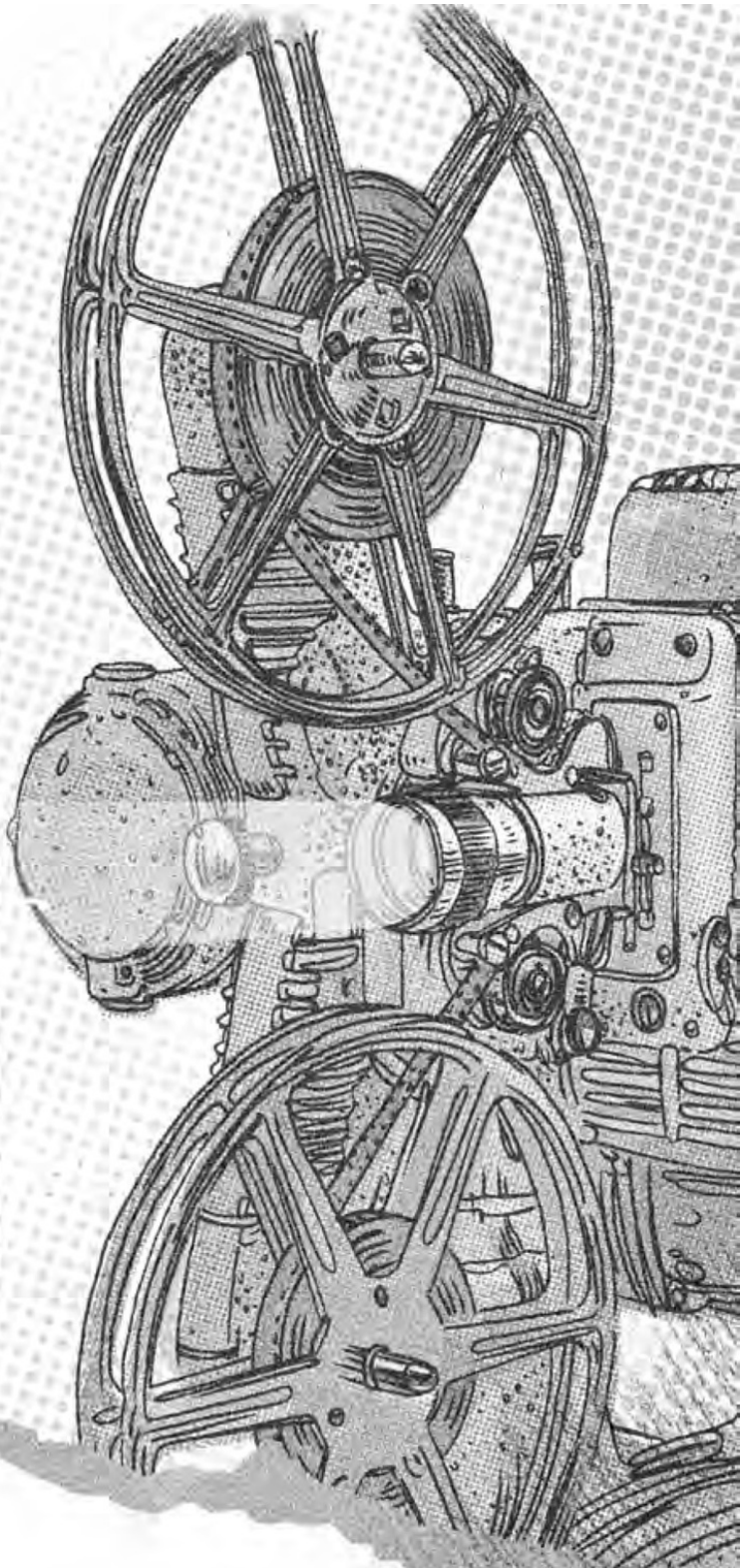

МИХАИЛ ОДНОБИБЛ
ВЕРОНИКА КУНГУРЦЕВА

КИНО МЕХА НИКА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРГОДИЕШ

Москва

Вероника Кунгурцева

Кинемеханика

ИД «Городец»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кунгурцева В. Ю.

Кинемеханика / В. Ю. Кунгурцева — ИД «Городец», 2018

ISBN 978-5-907085-01-5

Действие романа разворачивается в 1970-е годы. Интрига так или иначе затрагивает судьбы обширной галереи действующих лиц, каждого – со своей загадочной и драматической историей, своими терзаниями, заблуждениями, своими пороками и страстями. Начинаясь как стилизованная история предательства и мести, сюжет преодолевает пороги детективных коллизий и постепенно входит в русло вполне земного, даже натуралистического реализма и, проведя читателя сквозь физические и душевные страдания персонажей, когда уже кажется, что все обречены и выхода нет, вдруг совершает новый поворот.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907085-01-5

© Кунгурцева В. Ю., 2018
© ИД «Городец», 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	46
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Однобибл и Вероника Кунгурцева

Кинемеханика

«...теперь уж застенчивым быть ты не должен; Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать...»

Глава 1

На катере

На пляже было слишком тесно. И в то же время отсюда некуда было дальше идти. Марат столько сил потратил на то, чтобы достигнуть первого моря, и вот теперь оказался прижат к нему! Он ежился от одной мысли, что придется обувать страшные душные ботинки «прощай, молодость!» и хромать по незнакомым улицам, на которых непонятно где ловить фарт. Даже для того, чтобы примкнуть к таксистам, которые в ожидании пассажиров перекидывались в свару или очко, следовало знать места стоянок, но, скорее всего, в городе, переполненном курортниками, приехавшими сюда шиковать и тратить деньги, такси повсюду, не только на вокзале, шли нарасхват. Оставалось ждать наступления темноты, когда мамыши уведут мелюзгу и на очистившийся остывший пляж выйдет более серьезная публика. Однако ею могли оказаться как подвыпившие северяне, которым ничего не стоит выложить на кон червонец, так и милицейские патрули. Словом, эта перспектива тоже представлялась весьма сомнительной, поэтому, когда Марат услышал отчетливо разнесшееся над невнятной разноголосицей пляжа приглашение совершить морскую прогулку на катере вдоль побережья, он решительно захромал наперерез человеку, не спеша удалявшемуся в сторону порта. Время от времени тот подносил к углу рта раструб мегафона и лениво отщелкивал пункты остановок: «Фрунзе», «Ворошилова», «Зеленая роща»... Именно в этом направлении Марату предстояло двигаться к цели своего посещения. Но главное – маленькое путешествие могло открыть возможности, которые с пляжа было не разглядеть. Прежде чем попроситься без билета на катер, следовало подготовить почву, и Марат обратился к человеку с выдуманной на ходу просьбой, которую тот без вопросов выполнил, презрительно крикнув на весь берег: «Потерявшаяся родня Марата Родина, вас ожидают на мелководном причале». При этом человек ни на секунду не замедлил шаг, все так же размеренно и привычно твердо переставлял он по неровностям гальки стертые с внешней стороны низкие каблуки старых ботинок. Пятна пота темнели под мышками белой галанки с коротким рукавом. Над козырьком фуражки тускло блестел желтый краб.

Это был занятный тип, видимо, знавший лучшие времена, но теперь весь пропитанный пренебрежением к настоящему и своей роли в нем. В развязных интонациях его голоса, в произвольном растягивании одних слогов и проглатывании других слышалось стремление не заманить публику на прогулку, а подчеркнуть дистанцию между собой и изнеженными созданиями вокруг, которых он по какому-то печальному недоразумению вынужден развлекать. Это же Марат ощутил в том, как небрежно моряк выслушал его просьбу и тут же бесцеремонно перевернул ее смысл, назвав «потерявшейся» родню, а не самого Марата. Кроме того, хотя Марат конкретно, по степеням родства, перечислил тех, кто его якобы ищет, Краб свалил всех в кучу и прихлопнул одним собирательным именем. Тем самым он давал понять, что вовсе не готов верить таким субъектам, как Марат; более того, ему не было дела до их правды и лжи, а если какой-то безголовый Родин в пляжной кутерьме действительно потерял какую бы то ни было «родню», пусть встречаются на мелководном причале; он же, моряк, не согласен даже подзывать их к себе, потому что в душе бесконечно далек от царящей на курорте атмосферы мелких волнений по ничтожным поводам, хотя механически и погружен в нее.

В общем, Марат недооценил моремана и вместо сочувствия вызвал иронию поспешной, убогой легендой или, хуже того, насторожил. Но когда он следом за последними пассажирами шел на борт катера навстречу стоящему у трапа моряку – кто он был, капитан или матрос? – Марату ничего не оставалось, как только плясать дальше от собственной глупости и утверждать, что на мелководном причале он так никого и не дождался. Родственники, объяснял Марат, не услышали о нем, вероятно, потому, что помчались разыскивать его в город, в конце концов они вернутся в центральный военный санаторий имени Ворошилова, где отдыхают, но если не найдут его и там, заподозрят, что он утонул, ведь плавать он не умеет, и подымут жуткую панику. А поэтому, рассуждал Марат, ему следует как можно скорее вернуться в номер, и хотя денег при себе у него нет – кошелек остался у тех, с кем он пришел купаться, – впоследствии он найдет возможность вернуть капитану стоимость билета, если сейчас ему будет разрешено подняться на борт бесплатно.

Объясняясь, Марат уже почти выбился из сил. Между тем по виду Краба, погруженного в себя, нельзя было даже понять, слушает он или нет. Сколько раз в Учреждении старый сиделец Петрик повторял Марату, что создаваемые к случаю одноразовые легенды должны быть особенно изящны, иначе они неубедительны. И если, к примеру, объясняешь человеку, которого видишь в первый и последний раз, откуда у тебя нож или денежная банкнота, никогда не говори, что нашел, даже если действительно нашел и если интерес случайного человека продиктован не долгом службы, а праздным любопытством.

Внезапно моряк оживился. Что-то случилось за спиной Марата. Краб схватил его за локоть и, притянув к себе, быстро втолкнул на палубу – кажется, только для того, чтобы освободить проход, а вовсе не уступая его жалким просьбам и смехотворным доводам. Еще пассажиры – двое мужчин и две женщины – шли на катер. Уверенно выступавший первым грузный длиннорукий голован вдруг обнял свою спутницу за талию и («Ах!» – вскрикнула она, испуганно обхватив его шею) ловко понес ее над водой по пружинящему узкому, без перил, трапу. Краб молча посторонился. На палубе вошедший резко разогнул локоть, так что его даме пришлось поспешно выпрямить кокетливо поджатые ноги, чтобы не упасть на колени, но прежде, чем он по-хозяйски разложил руки на тросах леерного ограждения и заслонил проход, вторая женщина, моложе и гибче первой, скользнула мимо него к лавкам для пассажиров. Там она уселась спиной к происходящему у трапа, поблескивая гладко причесанной головой – у нее были темно-рыжие волосы с бронзовым отливом, – видимо, довольная тем, что не позволила замыкающему группу парню по примеру впереди идущего поймать ее за осиную талию и вовлечь в балаган. Он, впрочем, и не думал. Остановившись на середине трапа, четвертый человек из этой разномастной компании спокойно ждал, когда его товарищ освободит проход. Но тот застрял напротив моряка, куражливо вертя стриженной головой на короткой шее. Поворачиваясь то в фас, то в профиль, то по-стариковски вжимая голову в плечи, то молодецки расправляя плечи и выпячивая подбородок, он не столько сам разглядывал Краба, сколько давал себя разглядеть, и упорно хранил молчание, пока не вынудил того заговорить первым. И, конечно, это было не требование предъявить билет.

– С возвращеньцем, Адик! – осклабился Краб, на секунду обнажив прокуренные желтые зубы и такого же цвета склеры глаз.

– Лора, – представилась спутница Адика, чтобы тоже стать знакомой, и радостно вложила руку в раскрытую для пожатия ладонь моряка.

Вообще-то он протянул ее Адике, но тот пронес мимо нее свои длинные узловатые пальцы и вцепился Крабу в плечо, словно для выражения всей полноты чувств ему важно было держаться за руку поближе к тому месту, откуда она росла. Со стороны это выглядело как встреча старых друзей. Марат ожидал, что Краб назовет свое имя. Но он не захотел или опоздал это сделать. Еще в тот момент, когда тонкая кисть Лоры качалась в его грубой ладони, Адик свободной рукой так ущипнул женщину сквозь сарафан за бок, что она подпрыгнула и со сле-

зами на глазах стала упрекать его за то, что останется синяк, ведь у нее нежная кожа. Однако Адик нагло сделал вид, будто он ни при чем, и, обратившись к моряку, попросил уточнить, с возвращением к чему именно его можно поздравить. После оскорбительного уклонения от рукопожатия такой вопрос звучал каверзно. На месте Краба Марат выждал бы, спрятавшись за какую-нибудь дежурную, обтекаемую фразу. Неплохо было обострить ситуацию, предложив Адике выразиться прямо, – опасные люди уважают сопротивление. Но моряк ответил еще ухищреннее, оттолкнувшись от вопроса, чтобы круто повернуть разговор в интересующее его русло. Он поздравил Адика с возвращением к вину, винам, к милым дамам пик, трэф, бубен, червей и без промедления предложил:

– Хочешь, сегодня же этих продажных шлюх перед тобой разложим?

– Фу! – сказала Лора.

Ну, конечно, он был игрок! Марат мог бы догадаться об этом раньше, по тяжелой, холодной апатии к окружающему, тому дневному похмелью, которое наступает после горячки бессонной ночи, особенно если она окончилась проигрышем и желчь разлилась до белков глаз. В Адике, вернувшемся после долгой отлучки, моряк рассчитывал найти свежего партнера на предстоящую ночь и, досадливо отворачиваясь от кукольного личика Лоры, с надеждой поглядывал на его спутника как на еще одного возможного игрока. Ожидавший на трапе тоже хранил тот невозмутимый вид, который на поверку часто выходит обратной стороной азарта. Он подчеркнуто не принимал участия в разговоре и тактично повернулся к нему боком. Сунув руки в карманы и легко балансируя на упругих досках долговязым телом, юноша внимательно провожал медленным взглядом проплывающую под ним крякву, словно эта серая утица представляла наибольший интерес из всего, что тут плавало, ходило и летало. Марат проследил за его взглядом и почти согласился с ним. В сибирских побегах при виде уток Марат жалел, что нет ружья и собаки, но у моря, хотя сейчас он был голоднее, чем на берегу глухого таежного озера, эта знакомая птица вызывала совсем иное чувство. От ее спокойного молчаливого присутствия все остальное: пестрая толпа людей, крикливые чайки-хохотуньи, белые теплоходы, черные кнехты причала с живописно наброшенными на них петлями толстых пеньковых канатов и даже колокольчиковый ультрамарин акватории порта – казалось чем-то ненастоящим.

Марат ощутил укол грусти – не втрави его неотложное дело в этот пестрый поток людей и событий, удил бы теперь шурят в старицах на берегу Томи, наслаждаясь уединением, – но малодушно было поддаваться сантиментам и мимолетным фантазиям вместо того, чтобы пристально изучать приморский курорт, его порядки и неписанные законы. То, что Марат далеко еще не освоился здесь, становилось ясно из его практической беспомощности. Он ничего в городе-курорте не добился, хотя провел уже, судя по дамским часикам на запястье Лоры, битых четыре часа. Марат совершал действия, которые приносили результаты, обратные ожидаемым, и лишь запутывали его положение. Он устремился от вокзала к морю в надежде восстановить силы, но, когда достиг его, оказался прижат к берегу вдаль от рынков и садов, которые, без сомнения, в городе имелись и откуда несли к морю снедь – конечно, не для того, чтобы среди камней делиться с незнакомцами. А потом, когда он приложил усилия, чтобы проникнуть на катер, его свобода передвижения сузилась до размеров палубы, выход с которой охранял, возможно, именно тот человек, по иску которого Марат отбывал срок в далеком сибирском Учреждении. Две приметы совпадали: профессия и страсть. Разумеется, в приморском городе хватало азартных мореманов, и казалось невероятным в первый же день в пляжной суете случайно выйти на человека, на которого охотишься. Его внешность не соответствовала, но и не противоречила словесному портрету четырнадцатилетней давности; более свежими данными Марат не располагал. За такой срок любое молодежливое лицо могло быть до неузнаваемости обветрено штормами и исклевано азартом. Правда, моряк никак не прореагировал на фамилию Марата, столь безрассудно им выболтанную из нахлынувшего внезапно хулиганского желания во всеуслышание заявить о том, что он, преодолев все барьеры и обойдя все ловушки, достиг-таки

кромки Черного моря. Но если Краб был матерый истец – мало ли Родиных и Неродиных по его инициативе отбывало сроки в разных Учреждениях страны, – естественно, он не мог всех упомнить. А если и вспомнил, мог притвориться, будто фамилия ему не знакома, что говорило о его отменной выдержке, с которой Марату непросто будет совладать.

Научившийся не доверять внутреннему голосу и воздерживаться от скоропалительных выводов, Марат отмахнулся бы от такого невероятного совпадения в любом другом месте, но не здесь. Слишком шикарно выглядел этот город и потому настораживал. Глянец скользок. Из-под карнавальных масок выглядывали не похожие на них лица, в каждом конкретном случае следовало разбираться отдельно. Адик, туго обтянутый плотной тканью фирменных джинсов цвета индиго, выглядел как иностранный турист или местный пижон из великовозрастных сынков обеспеченных родителей. А между тем по некоторым его ухваткам Марат догадался, что он недавно освобожден из заключения (а значит, имел солидный жизненный опыт) и на уме у него было что-то плохое. Но это пока что было Марату на руку, поскольку Адик завладел вниманием моремана, не давая ему переключиться на другие предметы.

Марат ушел на нос катера к рыжеволосой девушке из этой же компании и, вкратце изложив ей легенду, по которой временно остался без денег, спросил, не знает ли она имени и фамилии моряка у трапа. «Я привык отдавать долги, – объяснил Марат, – и обязательно уплачу деньги за билет, но для этого, когда я вернусь на причал, мне надо знать, кого спрашивать, а когда найду, не кричать же мне ему с берега «э!»; проще было бы, конечно, спросить у него самого, но он полностью занят какой-то неотложной беседой; а когда катер отчалил, наверняка запрещено входить в рубку и отвлекать рулевого от штурвала». Девица сказала, что ей неизвестны ни имя, ни фамилия моряка, в сторону трапа она и бровью не повела.

– Это странно, – осторожно возразил Марат, – капитан пускает нас, как добрых знакомых, бесплатно на катер, причем пятеро безбилетников для такого утлого суденышка – это ошутимый балласт, а мы даже не знаем его имени.

– Ты из-за такой чепухи считаешь себя благодетельствованным, поэтому обычный матрос может вырасти в твоих глазах не только до капитана, но и до адмирала флота. Что же касается меня, то не мне делают одолжение, а я его делаю, усаживаясь в эту, как ты метко заметил, жалкую посудину. Скоро мы поплывем? – С этими словами девушка закинула руки за голову, сильно потянувшись всем телом и, давая понять, что разговор окончен, крикнула через голову Марата качавшемуся на трапе кавалеру:

– Стерх! Пока ты там клюешь носом, со мной знакомятся чужие мужчины!

Марат захромал прочь. В самом деле, не понимая всей важности обращенного к ней вопроса, она увидела в нем лишь неуклюжий предлог для разговора с красивой девушкой. Самоуверенна она была чрезвычайно, несмотря на веснушки, усыпавшие ее кожу до подмышек и маленьких ушей, которые она нахально выставила на общее обозрение. Вся грива ее густых тяжелых волос – несколько непослушных спиралевидных прядок только оттеняли это – была туго оттянута вверх, разглаживая маленький лоб и делая его более высоким, а шею более длинной, чем они были в действительности. Судя по отсутствию загара, она тоже недавно приехала на курорт, но уже так освоилась здесь, что в ее устах убедительно звучали слова «чепуха» или «скучно», словно такую бессмыслицу позволительно было говорить применительно к приморскому городу.

Пожалуй, у нее стоило поучиться раскрепощенности. Крайне щепетильное дело, которое завело сюда Марата, переполняло его чувством ответственности. Оно и помогало, и сковывало, стирая грань между здоровой самокритикой и болезненной мнительностью, когда Марат преувеличивал значение своих мелких оплошностей, а призрачные опасности давили на него, как неотвратимость. В самом деле, его разовая легенда была не совсем безнадежна. Даже если Краб именно тот, кого Марат в нем заподозрил, даже если он припомнил его фамилию и прямо на катере затеет процедуру выяснения личности, Марат сохранял шанс вывернуться, заявив,

что было названо имя Айрат Смородин. А если моряк, ослышавшись в пляжном гвалте, произнес «Марат Родин», то и понятно, почему родня Айрата не появилась на мелководном причале. Значит, Краб сам отчасти виноват в том, что пришлось взять на борт безбилетника. Словом, как говорил старый сиделец Петрик, самую сутулую легенду можно вывернуть наизнанку так, что у нее будет грудь колесом. Вероятность того, что моряк узнает Марата в лицо, была ничтожна. Свежими фотоснимками истец располагать не мог. А по старым портретам нельзя было опознать никого из тех, кто провел в Учреждении более трех лет, и одним из важных доказательств его силы и могущества было именно то, как неузнаваемо менялись люди в его недрах. Все же Марат на всякий случай расположился подальше от рулевой рубки, на корме у самого борта, чтобы нагнуться через него к воде, если затошнит. Он был наслышан о морской болезни, сейчас ему впервые предстояло испытать качку, а болтало катерок, наверно, ужасно даже при «волнении моря 1–2 балла», как сообщала пляжная афиша, и он не знал, как поведет себя его организм.

Но когда вышли в море и таракание мотора, хлопанье парусинового тента, защищавшего открытую палубу от солнца, тягучие волны и гнетущее многолюдство пляжей, вдоль которых они проплывали, слились в череду однообразных картин и звуков, на Марата вместо тошноты навалилась тяжелая сонливость. Он путал грезы с явью, вздрагивал и жестко стискивал челюсти, когда, вырываясь из дремы, видел тугие пепельно-сизые локоны сидевшей прямо перед ним Лоры. Они еще на причале возбудили его подозрение. Рассмотрев их вплотную, Марат убедился, что это парик, причем такого же фасона и цвета, как у начальницы его Учреждения. Эти намертво завитые волосы наполняли Марата ощущением борьбы между ним и могущественной системой таких учреждений, опиравшихся на поддержку близкородственных государственных органов, давнюю многолетнюю борьбу, которая велась с переменным успехом, ни одна из сторон не могла добиться окончательной победы, как бы ни оказывалась к ней близка, потому что противники были кровно заинтересованы друг в друге: Учреждение было обязано Марату смыслом своего существования, а Марат ему – жизнью. И хотя нелепой представлялась сама мысль о том, чтобы он благодарил или чтобы его благодарили, само собой было ясно, что между сезонами весеннелетних побегов есть другие времена года, когда строгий режим в теплом застенке предпочтительнее лютой буранной вольницы.

В какой-то раз Марат очнулся от зычного голоса Адика. Ему приходилось напрягаться, чтобы перекрыть гул мотора, бурление винта и треск мечущегося в парусине ветра, но, видимо, неотложность темы стоила усилий и неудобств, которые терпел вор. Поскольку он занимал место впереди, подле Лоры, ему пришлось повернуться к ней спиной, выставить колени в проход и пропустить под мышкой жесткую спинку лавки, чтобы обращать речь в нужном направлении. Он кидал слова назад, но не Марату, а тому, кто расположился рядом. В дреме Марат не заметил, что моряк сел бок о бок с ним, заперев его, быть может, неумышленно, между собой и бортом катера. Значит, расчет на то, что хотя бы на время плавания Краб будет привязан к штурвалу, не оправдался. Не будь Марат так истощен голодом, он сразу бы догадался, что море не река, команда даже такого маломерного суденышка состоит не из одного человека, кто-то в рубке есть. И все-таки он не мог отделаться от ощущения, что место у штурвала пусто и катер, бессмысленно ныряя в волнах, несется куда-то стихийным курсом, пока эти двое, устроившись на корме, с головой ушли в обсуждение посторонних предметов.

– Пять лет назад я был одним из вас. Вернее, первым из вас, – долетал до Марата сквозь привычные уже шумы катера голос Адика. – А теперь перестал быть. И знаешь почему? Кто-то жадно жил моей жизнью в мое отсутствие. А вот ты – счастливчик!

– Разве я счастливчик?! – уныло просипел моряк.

– Конечно, – злобно воскликнул Адик, – и твоя скромность – лучшее тому доказательство, ведь первая заповедь везунчиков – приbedняться, открещиваться от своей удачливости и твердить: «Я не я и фортуна не моя». Знаю я вас! Так и стоят перед глазами постные лица

родственников и знакомых девушек, готовых при виде меня разреваться то ли от горя, то ли от ужаса и страха за себя, как будто не мне, а им обкорнали жизнь и волосы. Все, кроме меня, чем-то недовольны! На увеселительной морской прогулке я натываюсь на твой потухший взор. С другой стороны ерзает Лора, хватается за грудь, как будто от легкой качки у нее может выскочить сердце. А посмотри на этих голубков! – Адик насмешливо повел лобастой головой в сторону рыжей девушки и юноши, расположившихся на носу, у самого борта. – Как тщательно они укрывают свое личное счастье, повернувшись ко всем молодыми затылками и даже не воркуя друг с другом, может быть, лишь украдкой держат под лавкой судорожно переплетенные пальцы. Разве они не приbedняющиеся счастливики, как и все на этой палубе? От вас тут не продохнуть! – Адик обвел глазами пассажиров. Марат не увидел, но почувствовал, как тот остановил на нем взгляд. – За исключением, быть может, вот этого доходяги. Какое безмятежное у него лицо! Заметь: он не грустит, как ты, по дохлой пиковой даме, а блаженно спит, жаря на солнце выпуклый пуп, хотя его трудно заподозрить в легкой жизни, если даже пуповину, судя по этой пуговице, ему перетягивал пьяный ветеринар.

Адик мог изгаляться сколько угодно, Марата не задевали его измышления, но они привлекли нежелательное внимание Краба, который, в эти секунды пусть и от нечего делать, разглядывал его лицо, машинально запоминая. Марат сунул руку в карман, где лежал нож, распахнул глаза и с неприязнью внезапно разбуженного человека хрипло проговорил:

– Чего?

– Чужой ты тут, вот чего! – ответил бесцеремонно Адик и покончил с Маратом: – Спи дальше, карлик, никто тебя не трогает, – продолжал, кивая на парочку впереди: – Она на носу, я на корме, и, видно, мне ее уже не догнать, слишком долго отсутствовал. Может, во мне произошли перемены, которые ее отталкивают, и стань я прежним – она по-прежнему радостно салютовала бы мне при встрече. Но я не помню, каким был, – видно, память отсидел. Мне надо освежить память, и никто мне в этом не может помочь, кроме старых знакомых. Скажи прямо, старина: ведь ты тоже долго опознавал меня. Неужели я так сильно изменился: постарел, пострашнел?

– Девочка повзрослела, – сказал Краб, благоразумно уклонившись от прямого ответа. Вор усмехнулся и, помолчав, продолжал:

– Если я лишился Сингапура, – потому что кто меня теперь туда пустит? – это полбеда, хотя и с мечтой расставаться горько... А ты, моряк, в Сингапуре был? Вот видишь, как тебе повезло! Мало того, дамы, которые тебе только и нужны для счастья, во всех дальних плаваньях были с тобой, потому что их легко можно найти в любом порту на любом борту, даже на этом. Нет, никто меня не разубедит в том, что ты редкостный везунчик!

– Был! – сипло каркнул Краб.

– Как же это «был», – деланно удивился Адик, – если дамы и сейчас при тебе, сам меня к ним звал... Они ведь не стареют. – При этом он в упор взглянул на свою спутницу и, отвлекшись от разговора, шепнул что-то ей на ухо, после чего Лора, нарочито поведя плечами, отправилась к парочке на носу катера.

– Правда, слышал я, старина, – продолжал Адик, – что и у тебя был тяжелый день в жизни. Я говорю о твоём грандиозном проигрыше, который случился вскоре после того, как я вынужден был покинуть наш с тобой порт, только не в Сингапур я ехал. Пять лет в Заполярье бесплатно отдыхал и питался, но не траулер то был и не ледокол «Ленин». Хорошо помню нашу последнюю игру; в тот раз твои картонные шлюхи тоже тебе изменили, хоть и любят они тебя, знаю, как и ты их. Взаимная любовь – что может быть лучше? Но в тот раз дамы подвели тебя, остался ты буквально в чем мать родила; и вдруг узнаю, что ты в мое отсутствие – не успели еще остыть мои следы на раскаленном асфальте этого города – проигрываешь Черкесу энную сумму с тремя нулями! Невероятно! Или ты скажешь, что слухи сильно преувеличены? Не скажешь? Правильно! Кто же станет сомневаться в достоверности слов Юсуфа,

даже в его отсутствие? Потому что безопаснее признаться и в том, чего не было, чем заподозрить в клевете такого авторитетного джигита! А предположить, что его подвела память, – значит оскорбить еще сильнее. Ты знаешь, к чему я клоню, моряк! Откуда такие деньги?! У тебя в рубке, я видел, удочки лежат... Так вот, слушай внимательно: возможно, однажды рано на заре ты копал червей для рыбалки и случайно выкопал... клад. А что ж, с моряками это часто случается. Вот лично я никогда не находил чужих кладов, но ведь я и не моряк. Ужасно любопытно: как он выглядел? Неужели старинный глиняный кувшин или окованный ржавым железом сундук из негниющего тысячелетнего тиса? Стоп, молчи! Сейчас я сам угадаю. Это был... вполне современный, правда, сегодня уже несколько старомодный школьный ранец из дерматина. Спорю, ты прорубил лопатой его клеенчатое покрытие? Надеюсь, ты не повредил того, что было внутри? Понимаешь, старина, там не мог быть закопанный двоечником дневник, потому что какой же это для тебя клад, ведь ты не строгий учитель, а бесшабашный мореман и к тому же картежник! И, кроме того, не всегда школьные принадлежности закапывают в землю школьники. Иногда сентиментальная мать десятилетиями бережет ранец как реликвию детства, а повзрослевшему первокласснику он кажется музейным хламом, пока он вдруг не найдет хламу странное и неожиданное применение. Из ранца вытряхиваются тетрадки с ошибками пятнадцатилетней давности, с вложенным для чего-то между страницами листом инжира, а вместо этого кладется туда... Давай еще раз вместе подумаем: что?! Золото и бриллианты? – прошептал Адик и отчеканил: – Ничего подобного! Там хранилось нечто практичнее драгоценностей. Нечто чуждое и враждебное всякому законопослушному советскому гражданину, но и в высшей степени привлекательное. Заметь: мне сейчас интересен не факт присвоения клада – и я, и любой другой поступили бы так же, – а ход твоих мыслей. Ты не мог не думать про хозяина клада. Ты даже подозревал, кто это, потому что хватит, пожалуй, одного пальца на одной руке, чтобы сосчитать на побережье людей, которые, во-первых, могли иметь в наличии найденное тобой, во-вторых, вынуждены были на срок с этим расстаться и спешно зарыть ранец именно в том месте, – это уже в-третьих, – где ты на него наткнулся. Ты ни секунды не сомневался, что рано или поздно хозяин клада примется искать его или того, кто его нашел! Вот с какими мыслями ты украдкой огляделся: стояло раннее погожее утро, вокруг – ни души. К тому же ты находился в густых зарослях какого-то кустарника. Его много по городу рассажено, у него такие бледные, без запаха, цветы, только я не помню названия. А ты? Тоже не знаешь?

Краб молчал – наверное, благоразумно давал возможность собеседнику выпустить пар, прежде чем приступить к оправданиям. Но даже если у него имелись веские аргументы в свою защиту, Адика они, по-видимому, не интересовали.

– На что ты рассчитывал?! – раздраженно выкрикнул вор, и брезентовый тент над палубой устрашающе захлопал от резкого порыва ветра. – Что хозяин клада из долгой отлучки не вернется, а если вернется, не сможет установить личность нашедшего клад?.. Ты просчитался! Такое длинное шило в мешке не утаишь. Откуда появилась в твоём кармане такая фантастическая для тебя сумма? Если б ты выиграл в «Спортлото», по городу гулял бы слух, но никто про это не слышал. Может, ты снял деньги со сберкнижки? Ха-ха! Видишь, тебе самому смешна эта мысль. Откуда у тебя сберкнижка?! И вот тут – видишь, я только пытаюсь тебя выручить! – оказывается, что версия «клад нашел» – самая безобидная. Все остальные объяснения – «крал», «вымогал», «шантажировал», «спекулировал», «подделывал деньги» – еще хуже и ведут к еще более неприятным последствиям.

Это была уже откровенная угроза, и Краб наконец откликнулся. Он разлепил губы и что-то пробурчал, но так тихо, что Адик не расслышал, и ему пришлось повторить громче.

– Ты меня знаешь, Адик: я на чужое не играю. А то были... личные дела, – просипел Краб и с отвращением махнул рукой, случайно задев Марата по макушке.

– Согласен: личная жизнь неприкосновенна! – кивнул Адик. – Она неприкосновенна, пока не вторгается в сферы чужих личных жизней.

Из разговоров с людьми, знавшими истца в прошлом, Марат заключил, что тот обладал даром внушать невольное уважение и необъяснимое сочувствие к самым предосудительным своим поступкам и винить в них людей, общество, тяжелую наследственность, необузданную мужскую натуру и даже злой рок. Основой этого поразительного дара служило то, что он не объяснялся и не оправдывался. Впоследствии, анализируя в высшей степени интересный разговор, случайным свидетелем которого оказался, Марат решил, что вел себя Краб именно так, как должен был вести себя тот, кого он разыскивал. Хотя порой Марату казалось, что странный этот разговор, который происходил по ту сторону его закрытых век, ему просто померещился. Море, которое он увидел впервые в жизни; настоящее, хоть и маломерное судно, на борту которого он оказался; рядом с ним – руку протяни, – по всей вероятности, истец, которого он настиг в первые же часы своего появления в городе... Что, кроме разговора о кладе, могло пригрезиться Марату в подобной обстановке?! К сожалению, то, что в дальнейшем происходило на катере, осталось для него сокрытым. Впрочем, в своем состоянии – что это было: забытие, полубоморок от истощения, эйфория, морская болезнь? – Марат все равно не смог бы ни во что вмешаться.

Он успел разобрать несколько странных, двусмысленных возгласов и еще более подозрительное, тягостное молчание в ответ на них, прежде чем голодная дрема вновь смешала явь с грезами. Минуло какое-то время – он не знал, сколько минут или часов, – и на корме поднялась кутерьма. Надвигались и уходили какие-то силуэты, лиц он не различал. Пассажиры впереди для чего-то менялись местами. Пару раз Марата подвинули и сложили ему на колени (кстати, довольно вежливо) руки, которые он во сне разметал в стороны. Ему не хотелось ни вникать, ни вмешиваться в происходящее. В какой-то момент Марат почуял запах духов «Быть может...», запах Директрисы Учреждения, и вздрогнул, но потом сообразил: видимо, Лора вернулась, успев надушиться; самоуверенная рыжая пахла явно по-другому. В глубине души он отдавал себе отчет, что проявляет малодушие, граничащее с изменой долгу, но укоры совести едва долетали до него из страшного далека, тогда как гораздо ближе, явственнее и потому неодолимее обступало чувство уюта в тесном закутке между бортом и спиной для чего-то вплотную притиснувшегося к нему моремана. Тот держался напряженно, что позволяло Марату наваливаться на него всем весом расслабленного тела, ведь волны непрерывно болтали катер. Иногда рычаги локтей и желваки мышц на спине Краба приходили в движение с силой и точностью, способными покорить любого, кто просто механически с ними соприкасался. Да, эта нервная мощь завораживала.

Только гораздо позже Марат осознал, и от этого открытия его пробрал озноб, что оказался моряк тем самым истцом, которого Марат разыскивал, и заподозри он неладное – ему представлялся великолепный шанс навсегда избавиться от преследователя. Что, по большому счету, мешало Крабу затолкать Марату в рот кляп из скомканного носового платка, которым еще у трапа он тер себе шею и грудь под галанкой, стянуть Марату руки его же брючным ремнем и, взяв под колени, перевалить через борт? Разве не так же решительно и хладнокровно действовал он еще в ранней молодости, когда устранил Марата с пути как досадное недоразумение, вернее – перешагнул через него в жадном стремлении поскорее вдохнуть вольный ветер дальних странствий, поддержав иск, по которому ответчика приговорили к длительному сроку заключения? И если тогда даже увещевания искусных адвокатов не могли удержать его от расправы, то почему теперь, когда он наверняка заматерел в своих принципах и отшлифовал приемы, его должно было смутить присутствие равнодушных пассажиров? Улучи Краб момент, когда все будут глазеть на море (а такие моменты были, ведь и возглас «дельфины!» Марат в полусне запомнил), все повернут головы в сторону открытого моря, и за гулом мотора никто не услышит всплеск от падения тела за кормой. В какой-то момент Марату – вот как он был вымо-

тан! – показалась заманчиво-уютной мысль о медленном соскальзывании в теплые сумрачные глубины. Еще в Учреждении Марат со старшим узником Петриком пришли к выводу, что преследователи истцов должны быть готовы к любым самым неожиданным зигзагам погони. Долгая изнурительная борьба – на черноморском побережье Марату только предстояло в нее вступить, а продолжить на Дальнем Востоке – могла обернуться еще более мрачной развязкой в холодных водах Охотского моря. Отсюда следовало – и это раньше не подвергалось никакому сомнению, – что надо быть постоянно настороже и действовать крайне предусмотрительно. Теперь же Марат и пальцем не пошевелил, чтобы уклониться от предполагаемого удара противника. Удобно же он устроился – как зритель, отсыпавшийся на скучном киносеансе! Не исключено, что еще и улыбался во сне глупейшим образом. Может, качка сыграла с ним злую шутку, а его фантастическая беспечность была редкой формой морской болезни? Правда, выныривая из забытья, Марат, прежде чем вновь погрузиться в пучины благодушия, неизменно находил взглядом то сбоку, то впереди себя тусклое свечение краба на белой фуражке, и мысль о том, что он удерживает объект в поле зрения, служила Марату хотя бы слабым утешением и оправданием.

Ну а то, что происходило между Крабом и вором во время нашедшего на Марата сонного затмения, он профукал, окончательно сдав позиции. Как Марат узнал впоследствии, игра стала финалом тягостного разговора между этими двумя. Со слов о карточных дамах начался их диалог на катере, картами и завершился. Реплики играющих на редкость удачно вплетались в запутанное сновидение, хотя произносили их совсем не те люди, которые были рядом: как всегда, дело происходило в Учреждении – редко Марату снилось что-либо другое.

Пробуждение оказалось кошмарным, точно продолжение сна. Когда жесткая, тяжелая рука легла Марату на плечо и его принялись энергично трясти, говоря, что пора сходить на берег, он, проморгавшись, увидел то, чего никак не мог даже вообразить. Над ним в знакомой фуражке, сбитой на бритый затылок – головной убор был ему явно мал, – стоял Адик и бесцеремонно его будил.

– Да кто ты такой?! – ошарашенно воскликнул Марат, возмущенно оттолкнув его руку, вскакивая и озираясь.

И хотя ясно было, что Марат ждал ответа на все накопившиеся за время его сна недоразумения, а вовсе не собирался выяснять личность вора, тот отнесся к его словам буквально.

– Разве у меня на лбу не написано? – спросил он, недобро подмигнув Марату.

И тут же отвернулся к Лоре, принявшись ее щекотать и тискать, – возможно, для того, чтобы оградить себя от дальнейших расспросов. Однако женщина с напускной строгостью уперлась кулачками в грудь Адик и, выглянув из-за его спины, отчетливо, чуть не по складам проговорила:

– Наш катер причаливает к центральному военному санаторию имени Ворошилова. Мы сходим на берег.

С какой вкрадчивой, а по сути, наглой уверенностью произнесла она это «мы», ясно намекая, что Марат никак не очухается, что он проворонил все, в том числе заснул цель своего путешествия и не пропустит ее лишь благодаря попутчикам, которые по счастливой случайности следуют в тот же пункт назначения! На самом деле он мгновенно узнал и жадно оглядел качающуюся перед глазами зеленую гору, разрезанную сверху вниз по склону узкой колежкой черных рельсов, по которым медленно скользил к пляжу красный вагончик. И так же, как на открытке, которая лежала в кармане куртки вместе с другими видами этого города, по обеим сторонам фуникулера белели выступающие из-за деревьев причудливые корпуса санатория. Прямо напротив него, где-то ближе к вершине этой горы, находился конечный пункт назначения.

– Я плыву дальше, – сказал Марат, усаживаясь на свое место и плотно скрестив на груди руки.

– Нам это решительно все равно, – еще более миролюбиво возразила Лора, – а потревожили мы твой сон, поскольку нас предупредили, что ты хотел высадиться именно здесь.

– Кто вам такое сказал?

– Человек из команды катера.

– Да где он, этот человек? – ядовито хмыкнул Марат и заглянул под лавку, словно там кто-то мог прятаться.

Адик сделал нетерпеливое движение, но Лора его удержала:

– Он в рулевой рубке. Стоит за штурвалом. Успокойся: не бегать же ему с носа на корму будить каждого задремавшего, даже такую важную персону, как ты.

Марат поморщился, вытягивая затекшую ногу и массируя ее; при этом он высунулся в проход, чтобы заглянуть в открытую дверь рубки, но кого-либо отчетливо не рассмотрел.

– Я-то спокоен, – сказал Марат, – настолько, что терпеливо выслушиваю, как мне раздражают самоочевидные вещи и ни словом не отвечают на вопрос, который на моем месте у любого возник бы сам собой.

– Какой же это вопрос? – улыбаясь, спросила Лора.

– Представьте себе, – веско заговорил Марат, пародируя ее манеру, – что ваш попутчик задремал, и не обязательно потому, что возле вас скучно или тошно. Причины возможны всякие: утомление от долгой неволи, необходимость собраться с силами перед новым важным делом... – Позже Марат вспоминал, что Адик, развернувшись лицом к берегу, как будто вздрогнул. – А просыпается он, представьте себе, оттого, что бужу его я, причем в вашем парике. При этом вас рядом не видно. Разве не возникнут ко мне, мягко говоря, вопросы? И разве не похожий фокус проделал ваш спутник, когда принялся меня толкать, надев фуражку хозяина, которого я пока что, строго говоря, не вижу? И даже если он действительно в рубке, к чему этот маскарад?

– Фу! Какой грубиян! – сказала Лора, и губы ее обиженно дрогнули.

– Хватит с ним цацкаться, он сам не знает, чего хочет! – рявкнул Адик и потащил Марата в проход.

Судно уже покачивалось у вытянутого с берега бетонного языка. Длинноногий Стерх выпрыгнул на причал первым, и его рыжая спутница, которую он назвал Жекой, тянула руки, готовясь последовать за ним.

– Я хочу узнать, – сказал Марат, упорно пытаюсь высвободить руку, – как зовут человека из команды.

– Зачем? – не останавливаясь, спросил голован.

– Чтобы потом найти и вернуть долг.

– Можешь не возвращать.

– У него ведь не частная лавочка, а государственное судно. – Марат уже перестал упираться, опасаясь довести дело до открытого конфликта, и отчаянно пытался образумить Адика. – Деньги за билет принадлежат государству. И даже если он положит их себе в карман, не нам об этом судить. Может, он острее нас с тобой нуждается в деньгах. Вот морская фуражка тебе, особенно не твоего размера, точно не нужна, а моряку еще послужит. Давай я, так уж и быть, отнесу ее в рубку.

– Да ты репей! – крикнул Адик, выталкивая Марата на буну. – Думаешь, я не знаю, что голова ему нужна, чтобы шапку носить? А что касается чужого размера, то и я тебя спрошу: чья на тебе нейлоновая сорочка? Рукава ты закатал, но плечевые швы висят на локтях, да и ворот широк. Тем не менее она на тебе. А где тот, кому она по размеру? Может, его и в живых уже нет? – С этими словами вор принял из катера Лору (она шла последней) и зашагал, не оборачиваясь, вместе с другими к берегу.

Нельзя было терять ни секунды. Мотор взревел, и палуба круто разворачивающегося катера накренилась. Пожалуй, Марат мог бы еще допрыгнуть с разбега, но на разбег не оста-

валось времени. Он сложил ладони рупором и крикнул, что забыл под лавкой обувь. Это была чистая правда. Несколько человек посмотрели на него, и пока один (кажется, он был из команды катера, хоть и не в морской форме) медленно приставил ладонь к уху, полоса воды между бунной и судном расширилась метров на десять. Марат сел на буну, высоко поднял босую ногу и взмахнул руками, как бы надевая ботинок, а затем энергично ткнул пальцем в сторону катера. И тогда тот, один, кто пытался расслышать его, невыносимо медленно двинулся в рубку (все остальные уже равнодушно отвернулись от Марата), и в те томительные секунды, пока его не было видно, катер отплыл безнадежно далеко. Вновь появившись на палубе, человек сочувственно пожал плечами и, понимая, что с такого расстояния Марат может не разглядеть его жест, продублировал его, широко разведя руки и обреченно их уронив. Солнце осветило его скорбный силуэт. Марат обозвал этого уж никак ни в чем не повинного пассажира телком. Тем самым расписываясь в собственном бессилии. Разумеется, на катере подумали, будто речь идет о старых копеечных сандалиях, которые не могли служить поводом для возвращения и весельной лодки, а не то что маломерного пассажирского судна. Марат придерживался иной точки зрения. Но и он подостыл. По мере того, как вероятная цель вновь превращалась в точку за горизонтом – привычная за долгие годы дистанция (уж не сделалась ли она незаметно для него самой приемлемой?), – стали проступать все нюансы случившегося. Так ли уж однозначно было оно поражением, как почудилось ему второпях и спросонок? Возможно, что и неодолимая дрема в море, и принудительная высадка на берег сыграли ему на руку, по большому счету. Истомленный жаждой сближения с целью до пределов видимости, слишком уж он привязался к первому же отдаленно подпадающему под описание объекту, жадно подгоняя под свои мерки его настоящее и домысливая прошлое. Да и будь Краб действительно искомое Маратом лицо, не исключено, что он успел улизнуть с катера на одной из предыдущих остановок, нахлобучив свою фуражку на Адика, как на живой манекен, предоставив Марату разыскивать его на борту до полного изнеможения. Теперь же – нет худа без добра – Марат получил передышку, чтобы позаботиться о пропитании.

Что касается черных войлочных ботинок «прощай, молодость!», которые под лавкой на корме самостоятельно плыли обратно в сторону морского вокзала (вполне возможно, катер, пока Марат спал, успел добраться до соседней Абхазии! – и уж, во всяком случае, сделал мертвую морскую петлю – и теперь отщелкивал причалы в обратном порядке), их утрата скорее воодушевляла, чем печалила. Можно считать, Марат сдал обувь в плавучую камеру хранения. Ботинки служили залогом, пусть и сомнительным, новой встречи в будущем, по крайней мере веским поводом. Хотя с этой точки зрения Марат допустил непростительное упущение, не запомнив название катера... Но не могло же быть такого, чтобы он не заметил названия! Отплывающее суденышко с пассажирами, толпящимися на борту, отпечаталось в мозгу с фотографической четкостью. Нет, антрацитовый борт был странно пуст, там не выделялась надпись. Возможно, совсем недавно борта покрасили черной масляной краской и замазали белые буквы, забыв обновить их? Но разве может безымянное судно выйти в море? Если только это не «Летучий голландец»! Значит, теперь катер не так просто будет отыскать, потому что, скорее всего – может, даже в ближайшие часы, – опомнившись, ему вернут имя. Но в любом случае, теплая зимняя обувь как таковая может долго еще не понадобится: заранее неизвестно, на сколько дней, месяцев, а то и лет дела задержат Марата здесь, где зимует лето.

Глава 2

Пляж Клима Ворошилова

Следовало сосредоточиться на срочных поисках пропитания и забыть на время обо всем остальном. Но Марату ни при каких обстоятельствах не хотелось упускать из виду и компанию попутчиков. Он проследил взглядом, как четверо одетых людей с трудом пробираются среди загорающих, которыми кишмя кишела центральная часть пляжа напротив фуникулера. На некотором возвышении, за широкой пляжной полосой, отгороженное от нее бетонным барьером и ступеньками, под полотняным навесом устроилось кафе «Поплавок», оттуда тянуло дымком жарящихся шашлыков, но, разумеется, Марату нечего было и мечтать попробовать эти коричневые сочные кусочки южного мяса. У ограды за крайним столиком вольготно расположился мужчина кавказской наружности; за всеми столами сидело по несколько человек, а кавказец был совершенно один. Высунув голову из-под навеса и приставив руку рупором ко рту, он звал Адика. Вор приостановился, заметив зовущего, махнул ему рукой и, изменив направление первоначально выбранного движения к фуникулеру, в сопровождении Лоры, Стерха и рыжеволосой Жеки отправился в шашлычную.

Четверка попутчиков Марата расположилась в кафе основательно, им принесли вино и мясо – очевидно, компания собиралась, может быть не впервые, поднимать тосты за возвращение Адика из мест лишения свободы. Фуражка Краба перекочевала с головы вора на голову рыжеволосой Жеки, которая стала похожа в ней на гавроша. Сигарета в руке только довершала эффект, но Марату показалось, что курит она не затягиваясь. Он отсел подальше от набежавшей на берег неожиданно длинной волны, с шипением отступившей назад, и задумался. А что, если... что, если вор расправился с Крабом в то время, когда он, пригревшись, разомлев и укачавшись, спал, забыв о деле?! Адик мог пойти в рубку и там разобраться с мореманом. Или, не думая о последствиях, в порыве злости сбросил того за борт, а добраться до берега, которого не видно, Краб, как бы великолепно он ни плавал, не смог бы ни брассом, ни кролем, ни стилем баттерфляй. Зачем же убийца оставил себе такую улику, как фуражка? Нет, это, конечно, немисливо: Адик вовсе не похож на дурака. Моряк или остался на катере, или где-то сошел на берег. Ясно одно: как ни крути, Краб находится в большой опасности. Не имело смысла выяснять, присваивал он чужие ценности или нет, целесообразнее было сосредоточиться на нейтрализации Адика. Если Адик уверен, что мореман нанес ему ущерб, он будет изобретать все новые и новые способы его возмещения, пока не утолит жажду мщения, а обычным способом, то есть деньгами, Краб, скорее всего, возместить ущерб не сможет. Но Марату истец (если предположить, что это и в самом деле он) задолжал раньше, и право взыскать с него по счетам он не собирался уступить никому, будь ты хоть трижды вор в законе или кто там этот Адик есть.

В глазах рябило от ярких купальников, зонтов, мячей, полотенец и разных оттенков загара: рядом с розовыми, как вареные раки, людьми бродили обугленные солнцем до черноты тела. Передвигаться тут можно было только как по лабиринту, замысловатыми зигзагами обходя плотные группы, но и там, где посвободнее, приходилось делать гигантские шаги, чтобы на что-нибудь не наступить. Марат с трудом удерживал равновесие на крупной неровной гальке, обжигающей босые ступни. Но, странным образом, благодаря этой же сутолоке он никого не раздражал своим присутствием, и красивые женщины с дорогими кольцами на холеных руках, женщины, которые в других городах при виде Марата переходили на другую сторону улицы, – тут лежали, разметав руки, в самых расслабленных позах и едва приоткрывали ресницы, если он проходил ближе, чем в полуметре от них; реагировать острее было бы смешно и утомительно – настолько часто тут все друг друга беспокоили.

Несколько раз Марат проходил мимо дамских сумочек и мужских брюк с оттопыренным чем-то толстым карманами; купающиеся оставляли их без присмотра среди других вещей на деревянных лежаках, небрежно расстеленных тряпках и просто на земле. Может, люди на курорте отдыхали действительно как при коммунизме и пленительная атмосфера общей безопасности была искренней, но заразиться ею Марат не хотел. Усыпляя бдительность, она сама по себе служила западней. Мало ли сколько голов из купающихся в воде зорко следило за тем, что творится на берегу! Кроме того, к любой сумочке мог быть протянут присыпанный камушками шпагат: протяни к ней руку чужак – и она уползет от него под злорадный хохот хозяев (в Учреждении Марат был свидетелем таких розыгрышей).

И более фантастическими, чем многолюдство пляжа, Марату казались рои обычных черно-желтых ос, которые с жужжанием вились между людьми, привлеченные запахом провизии на разостланных газетках. К сожалению, Марат не мог превратиться в одну из этих ос и сунуть хоботок вон хоть в тот растаявший на жаре кусочек сыра.

Он сел на гальку, спиной прислонился к высокой возле полосы прибой бетонной буне, от которой на него падала куца тень, и, не разворачивая пилотку в газетный лист – газету он подобрал на привокзальной скамейке, – перебегая глазами по сгибу снаружи вовнутрь и обратно, машинально прочел:

«По тропам мамонтов. На строительстве Байкало-Амурской магистрали в поселке Магистральном бойцы студенческого отряда Иркутского государственного университета, роя траншею для теплотрассы, наткнулись на непонятный предмет. Каково же было изумление всех, когда из ямы глубиной в полтора метра был поднят огромный бивень мамонта! Ценный трофей, пролежавший в сибирской тайге десятки тысяч лет, свидетельствует о том, что когда-то в этих местах, по которым ныне прокладывается трасса магистрали века, обитали стада доисторических слонов».

И все-таки стоило подумать о еде, оставив на время все мысли о деле. Хотя этот участок побережья оказался таким же цивилизным и тесным, до почти полной непроходимости, как предыдущий, он внушал гораздо больше надежды. За ним простирался не город – его придавила дремучая зеленая гора, пляж отгородился от нее плотным строем узких черных кипарисов, под которым сейчас с грохотом и шумом скользил зеленой гусеницей поезд дальнего следования. Эта поросшая лесом гора волновала и манила Марата, и только боязнь потерять Адика из виду помешала ему сразу отправиться кверху. Невероятно, чтобы на обширном склоне, так близко от моря, не было садовых или огородных участков, где сейчас, в августе, спеют диковинные южные плоды, не говоря уже о яблоках. Но достигнуть горы Марату не удалось. У ее подошвы, едва Марат пересек рельсы, он попал в поле зрения стайки подростков.

Они жгли костер прямо на змеящихся по земле корнях широкого платана с энергично раскинутой кроной и при появлении чужака моментально пришли в движение. У некоторых оно выразилось в легкой перемене позы. Большинство выдало себя лишь быстрыми взглядами с искорками страха, злобы и интереса. Ничего не оставалось, как только направиться к ним с таким решительным видом, будто их-то он и искал или не видел ничего предосудительного в том, чтобы подойти к чужому огню, тем более что горел он не вхолостую. Проковыляй Марат опасно мимо, они наверняка окликнули бы его, а оставь их оклик без внимания – легко бы его догнали и окружили. Инициатива оказалась бы в их руках, и невозможно было предугадать, как бы они ее использовали при таком численном перевесе.

Кострище было обложено принесенной с моря крупной галькой, поверх нее лежал лист ржавой жести, на котором жарился ворох темных моллюсков в плоских овальных раковинах, обросших бородой рыжей тины. В момент, когда Марат приблизился вплотную, один из пареньков – с длинными выгоревшими волосами и утиным носом, – взяв палку, гибко поднялся, якобы навстречу подошедшему, но, как оказалось, к костру, проворно перемешал раковины и сообщил, что мидии, раз их створки приоткрылись от жары, готовы. Просунув длин-

ные, выбеленные морем ногти в щель, он раскрыл раковину и аппетитно подул на крохотный комочек бурой плоти внутри. На чужака он, вывернув шею, демонстративно не смотрел; если бы Марату вздумалось поприветствовать незнакомую компанию или с ходу задать вопрос, он мог обратиться в лучшем случае в его костлявую спину с широкими лопатками. Но Марат и не подумал этого делать, а молча выудил с противня моллюска покрупней, перевалил его, как печеную картошку, несколько раз из ладони в ладонь, чтобы остудить, и, зубами вытянув из ножа лезвие, растворил раковину.

– Так это мидии, – сказал Марат, осторожно беря губами теплое мясо и предоставив им самим разбираться в смысле сказанного.

Из этих слов они должны были, по крайней мере, уяснить, что он не из их мира. А раз он явился из других мест, то прежде, чем искать повод для придирки, им предстояло прозондировать почву и угадать, насколько опасны посланцы этих областей. Это недоумение держало их на дистанции, пожалуй, надежнее, чем показанный нож, хотя и он, как заметил Марат, произвел на них впечатление. Жесткое мясо оказалось изумительным на вкус, но внутри одной раковины его было настолько мало, что Марат вряд ли бы заглушил голод, если б даже один излузгал все, что лежало на противне.

– На любителя, – сухо сказал Марат, хотя глаза его повлажнели от наслаждения.

Он защелкнул нож, спрятал его в карман и отряхнул руки, показывая, что дегустация окончена. Сейчас важно было придерживаться взятого им тона важности и строгости, а не расточать бездумные похвалы чему бы то ни было из того, что принадлежало к их миру. Если встать с ними на одну доску, через секунду они задерут нос, а через минуту попытаются его третировать – и тогда шума не избежать. Они принялись рассеянно клевать мидий, словно его сдержанный отзыв умерил их аппетит; они скрывали свой интерес к Марату, почти так же, как он интересом к ним вынужден был скрывать жгучий интерес к еде.

– Ничего, что я попробовал? – с нарочитой вежливостью вдруг спросил он и с улыбкой обвел их медленным взглядом. Каждый из них отвел глаза, кроме восточного вида девчонки. Она сидела на качелях из толстой древесной лианы, покрытой морщинистой корой.

– Море общее, буна длинная, собирать можно всем, – весело сказала она с едва заметным акцентом. Судя по ее развязному тону, она могла бы добавить что-нибудь вроде «даже таким глобусам, как ты».

– А я думал, что море купленное! – плоско пошутил Марат, широко разведя руки.

И все они заглянули в его ладони, словно это были два кувшина. Только теперь он стал с ними ручкаться и знакомиться, в уверенности, что каждый из них успел заметить буквы «УТРО», вытатуированные на верхних фалангах четырех пальцев левой руки. Их легко можно было прятать, сжав пальцы в кулак. Расшифруй они аббревиатуру, она объяснила бы им многое. Но Марат не опасался, что эти юнцы проникнут в смысл слова, тем более с ловушкой на первой букве: «у» означало вовсе не «указательный», хотя и было выколото на этом пальце. Сейчас эти синие буквы, показывающиеся из раскрывающегося кулака, стали для них сюрпризом. Наколка не просто намекала, а уже прямо говорила о его принадлежности к миру, которого они опасались, если не испытывали пиетет. Ничего подобного на шоколадной от загара коже ни одного из них не было, хотя были царапины, мелкие ожоги и попытки начертить что-то головкой серной спички. Марат изучил их, как карты. Теперь даже его хромота внушала им уважение. Они стали ощущать ее тем, чем она и являлась: не каким-то жалким изъяном, чем-то вроде врожденного дефекта, а следствием бурной жизни, сопряженной с борьбой. Наконец, его малый рост перестал сбивать их с толку. Они молча признали его превосходство, хотя внешне их заискивание выражалось в развязности и фамильярности. Они наперебой принялись выставлять свою бывалость, докладывали ему о способах местного промысла, иногда связанного с мелким жульничеством. Он не спрашивал об этом, но они, кажется, готовы были угадывать его желания. Кроме того, Марат осторожными замечаниями – осторожность заклю-

чалась в отрывистой, пренебрежительной скупости – направлял их сбивчивые речи в нужные ему русла. В итоге, отшелушив суть услышанного из ненужных ему деталей и домыслив недомолвки, которые они допустили в вещах для него важных, Марат выведал следующее.

Мидий они не ставили ни во что. Для них это были семечки, говорить о которых они считали ниже своего достоинства. Но Марат несколько раз под завуалированными предложениями касался этой темы, пока не уяснил, что нескончаемые колонии этих моллюсков усеивали поверхность бун и волноломов сразу под поверхностью моря. В десяти метрах от берега любой профан мог опустить руку в воду и вволю нарвать мидий. Их добыча не требовала ни сноровки, ни умения, ни знания особенностей дна, которые требуются при погружении на глубину. Надо быть круглым невежей и новичком, который не успел оглядеться на курорте, чтобы не составить о мидиях полного и пренебрежительного понятия. Наверно, они были единственным даром моря, который даже не продавался.

Несколько менее доступные и более редкие моллюски рапаны приносили баснословную прибыль, не требуя никаких накладных расходов. Собранных под водой рапанов варили в кипятке, выскабливали внутренность и песком оттирали изжелта-розовую раковину от морской зелени. Крупный рапан – Марату его показали, он оказался размером с детский кулачок с пупырышкой кукиша в центре – уходил за рубль. Правда, богаче рапанами считались пляжи Лоо. Зато море против центра города было монетнее. По приезде с просьбой у моря погоды, а перед отъездом в надежде вернуться люди бросали с берега в море тучи мелких денег. Местные ныряли за ними в солнечную погоду, когда море было спокойно и прозрачно; монеты отчетливо блестели среди камней. Эти наивные воришки даже не задумывались, сколько надежд они украли в невинном желании съесть мороженое или купить билет в кино. По своим предыдущим тщетным попыткам пробиться к Черному морю Марат не понаслышке знал: успех и неуспех предприятия зависят от тысяч случайностей, тут и более мелкая причина, чем возвращенная из моря без твоего ведома копеечная монета, может склонить чаши весов в ту или иную сторону. Впрочем, Марат прибыл на Черноморское побережье с совершенно конкретным заданием и не собирался принимать на себя роль арбитра. Да и сам он, если уж подходить с этой меркой, разве удержался бы от подъема монет со дна моря, не говоря уже о золотых кольцах и других украшениях, которые здешние ласковые волны с дьявольским коварством свинчивали с пальцев разомлевших курортных людей. Золото, хоть и реже, чем медь и никель, подростки тоже, бывало, находили на дне. Этому Марат не поверил. Тут крылись еще немые намеки на нелегальную продажу золота и дележку солидной выручки. Деньгами от них и не пахло. А привирали они в стремлении окружить себя ореолом непочитания законов, чтобы держаться с Маратом на равной ноге. Но на своих долгих путях он встречал столько чистых перед законом людей, стыдившихся своей лояльности и нарочно пытавшихся запятнать себя мнимым участием в темных делишках, что давно не принимал на веру подобные заявления. И чем они могли подтвердить свои рассказы? Словом, он давно прошел те этапы биографии, которые они сейчас проживали и о которых с таким увлечением рассказывали. В итоге они сообщили ему очень ценное сведение: на горе, куда Марат направлялся, не было никаких огордов – только санаторные корпуса, утопающие в зелени парков, разделенных высокими железными заборами, да городской микрорайон, застроенный в основном пятиэтажными домами.

Больше с ними не о чем было толковать.

– Ну, пока, Клава! – сказал он, оказывая девчонке на качелях знак внимания и закруглив этим разговор, поскольку она была единственной, с кем он не познакомился, – нелепо было бы на равных протягивать руку этой малышке.

– Меня зовут Карина! – возразила она, сузив миндалевидные глаза и рассмеявшись.

Уходя, Марат слышал за спиной ее хохот; она долго не могла остановиться, примеривая на себя это неожиданное имя.

Вернувшись на пляж, Марат в панике обнаружил, что ни Адика, ни его спутников в «Поплавке» нет – за их столиком расположились другие люди. Сидя возле костра, он держал в поле зрения дорогу, которая вела к фуникулеру и по которой в обе стороны довольно часто шли отдыхающие, но ни Адик, ни кто-либо из тех, кто плыл с Маратом на катере, мимо него не проходил. Он старался опознать среди множества полуобнаженных чужих людей, в самых разных позах лежащих и сидящих на полосе галечного пляжа, раскинувшегося налево и направо, четверых своих «знакомых». Возможно, уйти с пляжа можно каким-то другим путем...

Его внимание привлек один из загорающих: поверх мускулатуры рельефно вылепленного тела синели многочисленные татуировки. Мужчина повернулся – Марат узнал кавказца и с облегчением обнаружил рядом с ним Адика и остальных. Судя по целой галерее уголовных символов, кавказец был рецидивист; среди наколок виднелась и церковь с куполами, и даже колода с засаженым в нее топором. Марат понимал значение этой довольно прозрачной аллегории, наверное, понимали ее и другие: вокруг кавказца и компании образовалась даже некая пустота, заполненная косыми, опасливыми взглядами, но рецидивист, видимо, привык к глухой враждебности окружающих, которой не давал выплеснуться еще больший страх перед ним. До Марата, постаравшегося приблизиться к цели как можно ближе, но так, чтобы остаться незамеченным, донеслась обращенная к рецидивисту просьба кинуть зажигалку, из которой Марат понял, что это и есть Юсуф, о котором упоминал в разговоре с Крабом Адик. Если этот Юсуф утверждал, что ему проиграна такая-то сумма, то, действительно, безопаснее признаться в том, чего не было, нежели обвинить его в клевете. Убийца проявлял заметный интерес к Лоре, которая расположилась между ним и Адиком, принимая грациозные позы и подставляя нескромным взглядам бронзовое, хоть и несколько уже дряблое тело в ярком купальнике. Юсуф с Лорой, сдвинув головы, о чем-то беседовали, и время от времени женщина с преувеличенной веселостью смеялась. По Адикю трудно было понять, ревнует он или нет, – вор смотрел в другую сторону, его внимание было приковано к рыжеволосой Жеке, которая, ощущая это, отсела в сторону от бывалых мужчин, спрятавшись за своего флегматичного сверстника. Он скучал, полулежа на локтях и молча глядя сквозь узкие черные очки в сторону заката. Уходить с пляжа они, видимо, не собирались. Марат решил: в конце концов, не умирать же ему на посту с голоду; если бы с ним был старый сиделец Петрик, они могли бы сменять друг друга, но у Петрика свой истец и своя судьба.

Узнав, что обычных огородов поблизости нет, Марат решил попытать счастья на огороде морском. Надел на голое тело куртку, чтобы в ее боковые карманы складывать мидий. Хорошо, что рукава были отпороты, – тело получало большую свободу движений. Правда, длинные полы, опускавшиеся ниже трусов, придавали ему смешной вид, а когда Марат вынул из брюк ремень и захлестнул петлю вокруг левого запястья, он и вовсе стал похож на деревенского пастуха с обрывком кнута в руке. Марат по опыту знал, что привлекать к себе лишнее внимание всегда опасно. Хотя он заставил себя не озираться, у него было тоскливо на душе, когда он шел по буне между одинаково раздетыми людьми. Правда, одной девчонке верхней частью купальника служила завязанная узлом под грудью мокрая мужская рубашка с закатанными до плеч рукавами. Она держалась непринужденно, и это придало Марату некоторую уверенность. Выждав паузу между волнами – волнение моря стало гораздо более сильным, чем утром, по крайней мере, на балл, – он аккуратно шагнул на выглянувший из-под воды серо-зеленый скользкий верх подводной стены, быстро продел в ржавое ухо свободный конец ремня и затянул его узлом. Накатившая волна оторвала от опоры его ноги и подняла их горизонтально, но ремень надежно держал запястье. Марат быстро подтянулся к стене и стал отдиравать мидий – их тут действительно было множество. Но чтобы нащупать колючие раковины моллюсков, приходилось сгибаться в три погибели и опускать голову под воду. Раз за разом море сбрасывало его со стены в воду, и раз за разом он возвращался к ней. В поисках крупных моллюсков он пробирался по волнолому от уха к уху, каждый раз тщательно привязывая ремень.

Он уже плотно набил полтора кармана, когда очередной вал вдруг легко отделил его от опоры и понес в горькосоленую, мутную глубину. Изгибаясь всем телом, Марат волнообразным движением плеч стянул с себя тяжелую куртку и выскочил на поверхность. Глотнув воздуха, он вцепился пальцами в толстую кожу брючного ремня и дернул, проверяя петлю. Она крепко сидела на запястье. Не понимая, что произошло, Марат по-птичьи вытянул шею и растерянно оглянулся. На том месте, где он собирал мидий, стояла Карина, королева пляжной шпаны. Марат видел ее всего секунду, пока она не нырнула в сторону моря, прямо под гребень летящей на нее волны, но в эту секунду его изумила злорадная усмешка на ее детских губах. Барахтаясь в волнах, он с трудом сообразил, что девчонка, должно быть в шутку, отвязала ремень от уха, незаметно поднырнув к нему со стороны моря. Наверно, ее позабавила его чудная экипировка, по-видимому, она не придавала значения его хромоте и, главное, не подумала, почему он постоянно привязывается. Ведь ясно как день: потому что плохо держится на воде. Он не понимал, как она могла не сделать такого очевидного вывода, и это непонимание было одной из причин, по которой Марат сторонился женщин, однако они возникали на его пути в самые неожиданные моменты и наносили ему чувствительные удары, зачастую без всякого злого умысла. Если он сейчас утонет и девчонка вместе с кем-то из своей компании увидит на берегу его тело, она даже не догадается, что это произошло по ее вине, и никто не сделает ей укора. Доберись Марат сейчас до этой маленькой мерзавки, он заставил бы ее есть землю и клясться, что никогда впредь она не позволит себе развязывать не ею завязанные узлы. Он и до хромоты не испытывал тяги к воде; в Учреждении узников загоняли в огороженный сеткой участок реки, где водные процедуры превращались в оргию коллективного насилия, которое творилось под взбаламученной водой, куда не проникал с берега глаз надзирателей.

Марат плыл, меняя позы и движения, чтобы экономить силы, но в десяти метрах от берега попал в неожиданную ловушку. Море играло им, как щепкой. Сначала волна несла его на своей спине близко к берегу, но потом этот же вал с урчанием отступал, возвращая его на прежнее место. Эти качели не отпускали. Сколько пены плавало над пузырящейся толщей прибоя! Вместе с воздухом она попала Марату в легкие – он закашлялся, сбив дыхание. Он тонул. И вдруг вспомнил, как днем на катере ему пригрезилось погружение в эту самую воду... нет, ему не хотелось утонуть наяву.

Стоило ему крикнуть – и высокие мускулистые красавцы, загорающие на буне, вдоль которой его носило, вытащили бы его из воды. Пока что они рассеянно поглядывали на него, думая, очевидно, что он забавляется качанием на волнах. Но вслед за спасением неминуемо последовала бы до боли знакомая процедура: вызов медика, выяснение личности, арест и позорное этапирование обратно в стены Учреждения, из которого пять суток назад он совершил побег. Мысль об этом наполняла Марата смертной тоской, но еще невыносимее было сознание того, что, если он сейчас глупо и случайно утонет, истцы даже не узнают о том, что ответчик почти обнаружил их.

Марат размахивал руками, в отчаянии призывая на помощь далекого Петрика, точно речного бога, и глухо слыша свой голос отдельно от себя залитыми водой ушами. Внезапно левая рука его вытянулась и одеревенела. Он висел где-то в самом чреве отступающей в море волны, ее бурлящие вихри обтекали его, но не уносили с собой. Когда они наконец схлынули, Марат почувствовал животом гальку и по-собачьи вскочил на четвереньки.

Кто-то тянул его руку за ремень, помогая выползти на берег и в то же время мешая, поскольку дергал запястье не в такт движениям Марата. Он с досадой потянул ремень на себя и сел, приняв более достойную позу. Перед ним в белой фуражке Краба стояла Жека, веснушчатая до мокрых тонких лодыжек.

– Тпру! – весело сказала она, как будто привезла его на санках, и уронила под ноги ремень, ожидая похвалы, ведь она проявила недожинную ловкость, поймав его конец в толще штормящего моря.

Но Марат не чувствовал никакой благодарности за то, что одна его чуть не утопила, а другая спасла. Он не спеша откашлялся горько-соленой водой, вытер ладонью лицо и вдруг с интересом посмотрел на грудь девушки. Конечно, Марат знал общеизвестные трюки с женскими купальниками: ловкачи незаметно резали под водой бретельки, резинки или швы плавок на бедрах. Но сейчас наблюдалось что-то совершенно невероятное: Жекино бикини сделалось рыхлым, как мокрая промокашка, и вместе с водой стекало по телу, словно было не одето, а нарисовано. Она подумала было, что к груди прилипла тина, и смахнула ее, но, когда отняла руку, обнаружила, что стоит у всех на виду полностью обнаженная, – и окаменела. Все-таки Марат чувствовал себя обязанным ей. Он крикнул, чтобы она скорей забежала по шею в воду, пока он принесет ее сарафан; в такую теплынь можно и в мокрой одежде до дома прогуляться – не простудишься. Но Жека не слушала его, а в секунды оцепенения, видимо, машинально набирала в легкие воздух, потому что бросилась к своей одежде, визжа и натываясь на оторопевших людей. Она совсем потеряла голову – ведь шум привлек к ней всеобщее внимание: у взрослых вытягивались лица, а дети прыгали и вопили от восторга, показывая на нее пальцами тем, кто еще не видел виновницы переполоха. Фуражка с ее головы слетела. Марат незаметно подобрал улику. Растирая затекшее запястье, он тоже пошел туда, где лежала его одежда, и сунул фуражку под нее. Марат был озадачен. Он не понимал, что произошло, как вообще возможен такой фокус, причастен ли к нему Адик, если да, то какие это может иметь для него последствия, и, если последствия будут, как ими воспользоваться для его обезвреживания.

Высоко на лестнице, идущей параллельно фуникулеру, он увидел Жеку с растрепанной гривой рыжих волос. Она стрелой летела все выше в гору. Ее кавалер тоже как-то ступевался. По рельсам катился вверх вагончик фуникулера – вполне возможно, Стерх успел сесть в него с намерением опередить безумную девушку и встретить ее на горе. Адик что-то объяснял хмуро глядевшему на него Юсуфу; убийца сидел по-турецки, хищно наклонившись вперед и упершись ладонями в колени. Лора отвернулась от них, скрывая играющую на губах улыбку. Марат запрыгал на здоровой ноге, чтобы вытрясти воду из уха, и как бы ненароком приблизился к Адик. Он услышал конец фразы: «... Я не ставлю кайф выше смысла. В шутке был смысл. Она его поняла, но вряд ли захочет, чтобы я поделился этим пониманием с кем-то еще».

Значит, купальник у Жеки от Адика! Возвращение из тюрьмы – удобный повод для того, чтобы на радостях преподнести девушкам подарки. Довольный сделанным открытием, Марат, не снимая, выкрутил трусы на бедрах и надел брюки. Он не только никогда не посещал кабинки для переодевания, но и увидел их впервые. Сейчас одна такая квадратная стальная конструкция стояла рядом, в просвет внизу видны были чьи-то переминающиеся волосатые голени – знак того, что кабинка занята; снаружи в ожидании своей очереди скучали люди с одеждой в руках. Даже если бы Марат решился воспользоваться этой ловушкой, внутри которой, наверно, так и кажется, что снизу, со всех четырех сторон вдруг протянутся десятки рук и схватят тебя за ноги, сейчас у него не было времени.

С потерей куртки нарушился баланс между количеством личных вещей и карманов. Нож, как всегда, лежал в переднем брючном кармане справа. Но открытки с видами города боялись сырости – и теперь, когда от трусов все карманы брюк повлажнили, их пришлось аккуратно свернуть в трубочку и поместить в нагрудный карман рубашки, откуда они довольно нелепо торчали, грозя развернуться и выпасть.

Теперь Марат мог приступить к изучению добытой улики и рассмотреть ее во всех подробностях. Он стиснул золотистого краба на фуражке так, что его спина остро взгорбилась, а клешни глубоко вонзились в белый ворс. Он скользнул пальцем по лакированному козырьку, перевернул фуражку пожелтевшей шелковой подкладкой кверху и понюхал: несмотря на то, что сегодня ее надевали еще двое, запах Краба перебивал все остальные. Марат запомнил его во время сна, когда прижимался к такой надежной, казалось бы, спине моремана: фуражка пахла морем, потом, чуть-чуть одеколоном «Шипр» и еще чем-то неуловимым – этот запах он

запомнит навсегда, он пойдет по его следу, как пес, и уже не потеряет. Внезапно Марат увидел внутри, на подкладке, едва заметные, вышитые белыми же нитками инициалы «ЗФ» – и задрожал, будто оказался в карцере. Вот оно – подтверждение его версии! Вот он – внутренний голос! Петрик убеждал: мало ли что говорит тебе твой внутренний треп, интуиция – это не внутренний голос, а внутренний слух. А все слухи нуждаются в проверке. Таким образом, он завтра, а может, уже сегодня, добравшись до известного ему адреса, все и проверит. Конечно, можно, перестраховываясь, прочесть первую букву инициалов как цифру 3, но что тогда будут означать эти знаки? Можно предположить, что буквы обозначают «западный флот», однако что-то Марат про такой не слыхивал. Можно, сомневаясь, вместо инициалов человека усмотреть на морской фуражке инициалы названия корабля: на борту катера не было имени, а тут, на фуражке, – пожалуйста; хотя, разумеется, фуражка осталась у Краба со времен дальних странствий, и не на этом, конечно, маломерном катерке он плавал, а на пассажирском лайнере, таком же белом, как эта улика. Инициалы могли быть простым совпадением, но уж очень редкое сочетание первых букв имени и фамилии было у истца. Что ж, вполне возможно, Краба звали как-нибудь вроде Завулон Фильдеперсов или Зиновий Фокин. И все-таки, несмотря на все сомнения, Марат был доволен: его версия получила еще одно – и какое! – подтверждение. Скорее всего, Краб и истец – одно лицо, а значит, все, что он сегодня предпринимал, было не зря, он тоже «редкостный везунчик», как укорял Адик Краба там, на борту безымянного катера.

Проследив взглядом, как убийца, вор и женщина, оставшаяся с ними, вновь перебрались в шашлычную, где, видимо, намеревались весело завершить вечер, Марат решил попытать счастья известным ему способом и заработать, чего бы это ему ни стоило, на хлеб. По правде говоря, силы его были на исходе – этот день в чужом городе (хотя какой город он мог бы назвать своим!) дорого ему дался.

Глава 3

Местная шпана

Марат пошел к догорающему костру, у которого ел мидий. В настороженных позах местных чувствовалась готовность дать ему отпор, в то же время в их глазах читалась явственная насмешка. Дескать, девчонка чуть было не утопила этого чужака; на взгляд людей, выросших у моря, отсутствие умения плавать – всё равно что отсутствие умения ходить или разговаривать; оно сразу же уронило Марата в их глазах. Он должен был вернуть завоеванные так недавно позиции. Девчонка, сбросившая его с волнолома, пряталась за мужскими спинами, глядя исподлобья. Но Марат уже взял себя в руки и ограничился тем, что на ее ухмылку в море сейчас на суше ответил такой же гримасой. Она показала ему язык. То ли оттого, что он перенервничал и нахлебался морской воды, то ли от голода у Марата разнылся желудок. Это было досадно – боль мешала сконцентрироваться на предстоящей схватке.

– Где же мидии? – насмешливо спросил длинноволосый, кличка которого была Барабуля.

– Утонули, – беспечно ответил Марат.

– А чего они, дуры, в одежде плавали? Так и рыба утонет! – под смех товарищей говорил вожак, явно провоцируя Марата, но не подозревая, что в Учреждении старый сиделец Петрик давно приучил его не делать в острых ситуациях того, к чему тебя подталкивает противник.

Давая понять, что не обижается на шутки и сам их ценит, Марат рассказал несколько пошлых смешных анекдотов, кстати, отомстив цыганистой Карине, которая мялась и не знала, как себя вести, чтобы не быть скомпрометированной в глазах мужской компании: если невозмутимо слушать такие сальности, ее могут счесть вульгарной, а если отойти в сторону – слишком правильной.

Между прочим, Марат поинтересовался, что это за трюк с купальником: он заметил в толпе полуголых людей, образовавших хохочущий коридор, по которому бежала обнаженная Жека, и этих малолеток. Они тоже видели такой трюк впервые, но слышали, что у фарцовщиков можно достать сюрпризное японское бикини, которое растворяется от соприкосновения с водой, так что секрет фокуса, хотя он и впечатляет, – не ловкость рук, а уже готовая фирменная химия. Жеку малолетки знали: в позапрошлом году она окончила школу там, на горе, куда все они ходили, и была одно время, когда еще училась, пионервожатой у Карины. Парень Жеки, Стерх (это слово Марат насмешливо переспросил, но ему не смогли удовлетворительно ответить на шуточный вопрос, фамилия это, прозвище или название одной из малых народностей – «просто его так зовут»), был, кажется, художником. Адика никто из подростков не знал, что было вполне понятно: он отсутствовал пять лет, а для их возраста это громадный срок.

По ходу беседы стало ясно, что расчет Марата на тонкое чувство вины оправдался. Все-таки они его еще раз решили испытать и, убедившись, что он не собирается или боится предъявлять им счет за утонувшую куртку, старались словоохотливостью хоть как-то возместить ущерб. Настала пора воспользоваться этой доверительной атмосферой. Марат сказал, что любит показывать и смотреть карточные фокусы. Если б они знали, сколько уже раз одним и тем же тоном – тоном человека, ищущего не более чем способ стать своим в чужой компании, – он произносил эту фразу! Наступил критический момент: у них могло не быть колоды, и тогда все усилия, вся скрупулезная незаметная подготовка пошли бы насмарку (родная колода Марата осталась у проводника, который проиграл ему проезд на юг, и, когда поезд прибыл в пункт назначения, то есть проводник с Маратом расплатился, попытался таким образом насолить катале). Поэтому, когда Барабуля достал мятые, засаленные до черноты на сгибах карты, Марат вздохнул с облегчением.

Марат показывал фокусы медленно и неуверенно. Он путался, начинал сначала, а если фокус все-таки не выходил, принимался подробно объяснять его секрет. После отчаянной борьбы с волнами у него и в самом деле подрагивали руки, но голова оставалась довольно ясной. Он почти забывал о фокусах и даже о существовании зрителей, тщательно запоминая дефекты карт, тот естественный крап, которым их пометило долгое употребление и благодаря которому наметанный глаз мог отличить рубашку одной карты от другой. Для этого Марат и тянул время. А тщеславно демонстрировать им свое мастерство фокусника было бы опасным недомыслием. После фокусов стали наперебой показывать друг другу карточные игры. Марат путался в правилах, морщил лоб и заглядывал в отбой, вызывая пренебрежительные насмешки. В кружке партнеров он вновь сел так, чтобы держать в поле зрения дорогу, ведущую с пляжа, – он узнал от них, что единственный путь наверх, в город, пролегал мимо платана, под которым они сидели, и, значит, Адика он не должен пропустить. Марат чувствовал, что надо бы сходить разведать, как там дела в шашлычной, но не мог же он разорваться! Игра вступила в фазу интенсивного разогрева партнеров, а любая пауза только понижала этот градус. После курьезных игр вроде «веришь – не верю», когда в умах воцаряется нервная путаница, предшествующая настроению сильного азарта, стали играть на щелчки по носу. Проиграв несколько раз кряду и вызвав общий смех слезящимися глазами и красным носом, Марат окончательно усыпил их бдительность. За время бутафории только раз он повел себя неосторожно. На волне зубоскальства один из малолеток в ненасытном стремлении находить все новые и новые поводы для насмешек подкрался сзади и хотел было стянуть торчащие из нагрудного кармана рубашки открытки, но Марат с такой цепкостью и быстротой поймал его пальцы, что можно было догадаться о его истинных возможностях, будь они пронизательнее. У него пошла носом кровь – разумеется, не от этих жалких щелчков и детских козней, а от перенапряжения последних суток, но это оказалось кстати. Пока Марат останавливал юшку, полулежа на локтях и запрокинув назад голову, Барабуля предложил не валять дурака, а сыграть на деньги. Но Марат проявил роковую инициативу, и это служило верным признаком того, что он грамотно провел подготовку. Лишь когда они поставили на кон свои пятаки и гривенники, Марат с мрачной решимостью идущего ва-банк игрока молча выхватил нож и ногтем большого пальца резко выщелкнул лезвие. Хотя они уже имели возможность видеть этот нож в руках Марата, но все равно непроизвольно вздрогнули и отпрянули, и он целых две или три секунды испытывал их молчанием, словно обдумывал, кого из них пырнуть, после чего объяснил, что денег у него нет, но он готов сыграть на нож – настоящий фирменный складень, в ручке которого, кроме лезвия, открывалки и штопоры, есть пила, отвертка, шильце и даже маленькие, но вполне рабочие ножницы. Марат по очереди, обстоятельно все продемонстрировал.

«Там еще что-то написано», – почти хором взволнованно проговорили они, скрещивая на лезвии взгляды, и сразу несколько рук потянулось к ножу, но Марат, защелкнув его, опустил гладкий тяжелый болид в банк и даже прикрыл ладонкой. Знакомить посторонних с содержанием этой гравировки не входило в его планы. По их замороженным лицам, невольно приоткрывшимся ртам и жадно расширившимся зрачкам – а иной реакции и не могло быть – он понимал, что каждый уже видит себя хозяином этой вещицы. Они знали, что такое не купишь нигде, кроме заграницы, валютного магазина, куда их даже на порог не пустят, или черного рынка, где барыга за такой изысканный миниатюрный набор необходимых для жизни инструментов возьмет никак не меньше червонца. Но сейчас, оправдывая происходящее непредсказуемыми расценками фарта, любой из них не считал бесчестным присвоить за гривенник это почти ювелирное изделие из перламутра и нержавеющей стали. Только топившая Марата в море черноглазая Карина, которая не играла (да никто и не позволил бы ей принять участие в розыгрыше чисто мужской вещицы), взглянула на Марата с сочувствием, вообразив, как жалко ему будет с ней расстаться.

Когда началась игра и Марат тасовал карты, Барабуля, вместо того чтобы следить за руками банкующего, нагнулся к висящему на груди амулету – обычному морскому камешку с дырочкой, в которую была продета медная цепочка, – по-девчачьи уронив на лицо пряди длинных волос. Он пошевелил губами, беззвучно призывая удачу; не чурайся он открытых проявлений сентиментальности – наверное, и поцеловал бы амулет, не зная, что уже обречен вместе со своей суеверностью. Ставки были сделаны, и никто уже не вправе пойти на попятную и забрать деньги из банка.

Марат позволил себе открыто усмехнуться; сняв первый банк, он оставил на кону двадцать из выигранных пятидесяти копеек и спрятал нож поглубже в карман, как они ни облизывались и ни тянули к нему руки. Пресекая кривотолки, Марат объявил, что теперь готов поставить нож только против двадцати рублей – его реальной стоимости. Если минуту назад продешевил, то единственно потому, что случайно не взял с собой карманных денег, но теперь монеты появились, и он, хозяин-барин, вправе играть на что пожелает. Им нечего было возразить – двадцать рублей не стоила вся их одежда, включая шейные амулеты и содержимое карманов. Чтобы надежнее держать их на крючке, Марат пообещал вновь поставить складень, если проиграет деньги. Теперь игра встала на рельсы и катилась к неизбежному концу, которого партнеры Марата уже не могли предотвратить. Играя с переменным успехом, но, в общем, оставаясь в плюсе, вынуждая их не бросать игру из жалости к тому, что уже потеряно, и в надежде отыграться, Марат выудил у них все наличные деньги – почти три рубля. Этой суммы вполне хватало на три дня сытого питания. Но, судя по тому, как стремительно с самого начала развивались события, Марат мог не успеть израсходовать и этих денег.

Проигравшиеся глядели на выигравшего Марата с только что проснувшимся подозрением, когда поздно было что-либо доказывать или исправлять, и Марат открыто усмехнулся им в лицо. Разумеется, он подтасовывал карты. Но первопричиной его фарта и неудач партнеров были его сосредоточенность и их рассеянность (хотя сжатые губы и насупленные брови изображали внимание). Эти тюлени, невесть за какие заслуги без счета проводящие дни на берегу теплого моря и укрывающиеся на ночь в домашних постелях, видели свою колоду, наверное, сотни раз и до сих пор не узнавали карты со спины!

Внезапно среди покидавших пляж отзагоравшихся курортников Марат увидел Адика с Лорой – Юсуф, видимо, остался кутить дальше. Адик много выпил. Марат понял это по тому, что он, чувствуя опьянение, ужесточил самоконтроль и шел чересчур ровно, как по взлетной полосе. Лора уныло плелась сзади. Марат довольно давно перестал слышать шум подъезжающих и отъезжающих вагончиков фуникулера, очевидно работавшего до определенного времени, – значит, им придется идти наверх пешком, по лестнице. Нельзя было терять ни минуты. Быстро доиграв кон, Марат поднялся. Под густой кроной платана уже так стемнело, что играть стало почти невозможно, – этим он и объяснил свой уход. Но партнеры, горя желанием продолжать игру и не находя для этого серьезных оснований, стали его удерживать под явно издевательским предлогом: дескать, он ел их мидий – пусть заплатит, рубль штука. Напрасно они ждали, что им на потеху он станет убеждать их в несправедливости непомерного требования, но просчитались. Они ожидали, что он станет их увещевать, – и напрасно. Марат скакнул к Барабуле и, оскалившись так яростно, что тот невольно побледнел, выпалил ему в лицо угрозу, бессвязно, но громко проорав о том, как поступают в местах лишения свободы с теми, кто ищет повод уклониться от уплаты проигрыша.

С тех давних пор, как Марат впервые поддался вспышке ярости – тогда он взорвался непреднамеренно, – надзиратели Учреждения каждый раз неизменно говорили друг другу: «Вот он и показал свое истинное лицо!» Если бы Марат не был так твердо убежден в тщетности пререканий с администрацией, он мог бы ответить, что и на их лицах он наблюдает множество разнообразных гримас, только они добивались своих целей без эффекта сорванной маски, который заключался всего лишь в резкости перехода от боязливой оцепененности к без-

оглядному возмущению. На их стороне были закон и сила. Так и теперь продувшиеся в карты завсегдатаи пляжа имели пятикратное численное превосходство (девчонка, конечно, в счет не шла; она уже скривила рот и часто моргала ресницами, готовясь разреветься). Конечно, среди отдыхающей публики, направившей свои загорелые стопы прочь от моря, могли найтись охотники накрутить уши участникам группового нападения, но Марат на это не очень рассчитывал. Подростки медлили и в надежде предугадать, какой фортель он еще может выкинуть, без слов обменивались вороватыми вопрошающими взглядами. И, оправдывая их опасения, Марат быстро откинул за голову кулак. Но в тот момент, когда они ловко отскочили в разные стороны, Марат на середине резко оборвал замах и нарочито медленно разжал пальцы, уронив себе за спину подобранный им для вящего устрашения противника увесистый голыш. Тот с глухим стуком брякнулся о землю и прокатился несколько сантиметров, сделав их ловкие отчаянные прыжки бессмысленными и смехотворными.

Хромая вдогонку за Адиком к лестнице, ведущей в гору, Марат был уверен, что ни один из этих безобидных по большому счету человечков не рискнет искать с ним новой встречи. Но в стае, бессознательно действуя по ее законам, жая и подогревая друг друга издевками и напоминаниями о перенесенном конфузе, они способны были на повторную атаку. Он полз, как улитка. Что им мешало проследить за ним, улучшить момент и со всех сторон кинуться на него, когда подъем отнимет последние силы и в изнеможении он опустится на ступени?

Первый раз в жизни Марат встретил такую длинную лестницу. Она насчитывала десятки маршей, разделенных небольшими ровными площадками, за которыми вновь и вновь поднимались каменные пороги. Хотя ступени были вытерты миллионами шагов, усталых и бодрых, молодых и старчески шаркающих, из трещин между камнями задорно лезли побеги каких-то вьющихся растений. Слева вдоль лестницы, в длинной шахте тянулись рельсы железной дороги, они были в нескольких шагах. А кругло подстриженные шпалеры низкого кустарника открывали путь только круто вверх.

Из-за хромоты Марат не мог шагать как все – каждую ступеньку он пересчитывал обеими ногами, сначала ставя правую, а потом подволакивая левую, и тратил вдвое больше сил, чем Адик с Лорой, которых он видел так высоко впереди, что, казалось, догнать их уже невозможно. Марат вступил на лестницу в сумерках, а когда ступился мрак южной ночи, он не знал, преодолел ли хотя бы половину подъема или находится только в первой его трети. Молочно-белые фонари ничего не говорили об этом, а моря под собой он уже не видел, хотя пока еще чувствовал. Он страшно жалел, что не попытался прекратить игру раньше, до того, как Адик с Лорой вздумалось покинуть кафе, где они провели полдня и куда он мог бы зайти и купить на выигранные деньги пирожок, бутерброд с сыром или, на худой конец, пирожное, а потом, как только они тронутся с места, спокойно последовать за ними. Теперь же он слишком запоздал – у них была очень большая фора во времени. Мышцы Марата помнили более мелкие ступени Учреждения, и он, несколько раз больно запнувшись босой стопой, ткнулся в камень ногтем большого пальца и зашатался, только отчаянными взмахами рук ему удалось удержать равновесие. Ему нельзя было падать – он и так не поспевал за событиями.

Даже здесь, за четыре тысячи километров от Учреждения, Марат чувствовал незримые нити, которыми Оно его тормозило. Чем дальше он отодвигался от Учреждения, тем отчетливее проступали контуры его хитроумной механики, нацеленной на преодоление взаимного отторжения узников и надзирателей. Каждая мелочь приобретала смысл. Например, уменьшенные размеры предметов. Низкие подоконники и койки, низкие столы и стулья, мелкие ступеньки низких крылец с гладкими перилами исподволь вырабатывали привычку пользоваться этим маломерным обиходом. И при каждом побеге, который фатально оказывался резким переходом в полномасштабную реальность, беглецы запинаясь на ровном месте. Марат отчетливо запомнил первое впечатление от черно-железной вагонной подножки, когда она замерла перед его глазами во всей своей суровой неприхотливости; покрытая налетом пыльных бурь,

тепловозного дыма и гари, она помчится над землей на неизменной высоте, ни к чему не приспособиваясь, и он мог поехать на ней. Марат бросил вопрошающий взгляд через плечо на юргинский вокзал, от которого рукой подать до Учреждения с его мелким, но устойчивым бытом. Он едва достал до нижнего края поручней, а потом повис на них всем телом, чтобы подтянуться, но у той лестницы было четыре ступени, а здесь в гору вели сотни, и ни перил, ни посоха под рукой. И теперь, когда Марату следовало полностью сосредоточиться на преодолении подъема, ему так некстати приходят в голову эти мысли. В Учреждении он был полон сил и рвался вон, но, чем глубже и дальше уходил на волю, тем меньше оставалось в нем энергии – он, как водолаз, который рвется в глубину, но не может время от времени не возвращаться на поверхность, с которой намертво связан зазубренным тросом.

Они настигли Марата почти у самого верха бесконечной лестницы. В эти минуты на ней было малоллюдно, хотя недалеко, но недостижимо, за рельсами, светились всеми своими окнами корпуса санатория, и оттуда доносилась веселая музыка. Когда его окружили по всем правилам группового нападения, Марат, вымотанный подъемом до предела, уже не надеялся выдержать это противостояние и, пожалуй, готов был отдать им деньги, но не стоило обманываться: они хотели отнять все, включая важнейшую улику расследования, которое он проводил. «У него нож!» – пронзительно-свистящим шепотом напомнил товарищам один из нападавших. Подтверждая его опасения, Марат сунул руку в карман. Но, когда Барабуля, сутулясь и низко держа растопыренные длинные руки, приблизился и, чтобы отвлечь внимание от нападавших с другой стороны, сделал ложный выпад, высоко вскинув руку с длинными музыкальными пальцами скорее дирижерским, чем боксерским движением, которое на любого другого произвело бы впечатление, Марат не отшатнулся – он вдруг поймал его левой рукой за висящий на шее амулет, а правой изо всей силы ударил в костистый нос, еще и еще, чтобы пошла юшка, в перевозбуждении вкладывая в удары все эмоции, которые в течение дня подавлял. Охнув, противник в осатанелом испуге оттолкнул Марата от себя в сужающийся центр атакующего круга. Кто-то сзади дал подножку. И, впечатав подбородок в грудь, чтобы не стукнуться затылком, Марат лопатками врезался в бочковидный шишковатый ствол Канарского финика у самого его основания. С ним начался припадок. Он хрипло взвыл, потом захрипел, забился в конвульсиях, изо рта показалась пена.

Глава 4

Шкатулка с секретом

Привычка ловить на себе во сне чужие взгляды выработалась у Марата в заключении от регулярных обходов надзирателей. В первые годы его будили сухой ветер их дыхания и казенный запах, когда они близко подносили к нему холодные шершавые лица, уверенные, что он их не чувствует. Впоследствии он стал просыпаться и в тех случаях, когда смотревшие держались на расстоянии. Это был своего рода дар. Таким навыком не владел даже старший узник Петрик, хотя и пытался его у себя выработать.

На второй день пребывания у Черного моря Марат очнулся от ощущения, что на него смотрят. Из осторожности, как привык делать всегда, он не показал, что проснулся, а украдкой выглянул из-под прищуренных век. Обои в цветочек, восемь лепестков, машинально пересчитал Марат. Стена. Он подосадовал, что лежит спиной к смотрящему, потому что взгляд был очень тяжелый, пронизывающий и неподвижный, в отличие от привычных ему скользких или, в худшем случае, ошупывающих взоров надзирателей. Кому мог принадлежать такой взгляд, и с какой целью его так пристально рассматривают? Возможно, пока он лежал в забытии, его поместили в камеру и сейчас следователь за его спиной, держа перед собой в прямых опущенных руках папку и покачиваясь с пятки на носок, критически оценивает его возможности и обдумывает каверзные вопросы, прежде чем внезапно растолкать задержанного и, не давая опомниться, ловить на несоответствиях. В таком случае, прежде чем обнаруживать, что он проснулся, Марату надо было проанализировать последние события и найти ошибку, которая привела его в камеру. Тщательно следя за тем, чтобы ритм и звук его дыхания не менялись, он с трудом стал прокручивать в памяти вчерашний вечер; выпитое накануне вино мешало в деталях восстановить последовательность событий.

Когда его окружили и Адик, которого он не должен был упускать из-под наблюдения, уже растворился в сумерках на верхних маршах скупо освещенной круглыми фонариками каменной лестницы, Марату ничего не оставалось, как сделать ставку на отзывчивость Лоры, хотя она искусно прятала сентиментальную женскую сущность под париком, вульгарными манерами и сокращенным на иностранный лад именем. Ее ужаснул, как она сама потом сказала, вой, когда у Марата начался припадок. Ему самому делалось нехорошо от этого воя, подслушанного им у юргинских псов. Мнимые припадки, которыми он страшал надзирателей, а также тех, кто по воле случая становился его врагом на воле, со временем превратились в подобие настоящих, и Марат прибегал к ним как к самому крайнему средству.

Конечно, в одиночку Лора не отважилась бы побежать на такой звук, и вор, будь он один, мог просто махнуть рукой и подниматься дальше (за пять лет за колючей проволокой всякого навиделся и наслушался), но в ее присутствии ему ничего не оставалось, как только держать марку. Притом он был пьян, а пьяные люди, как не раз убеждался Марат, становятся более добрыми, а в поступках – непредсказуемыми. «Стой, стрелять буду!» – блефу я, дурашливо гаркнул Адик. Когда они, перепрыгивая через ступеньки, приблизились, припадок уже кончился. Нападавшие скрылись еще раньше, уверенные (Марат понял это по их обращенным друг к другу паническим возгласам), что переборщили и ненароком его изувечили. Киношный окрик Адика только подстегнул бегущих – они рассредоточились, учащенный топот их шагов раздавался среди темнеющих деревьев горного парка. Теперь несколько дней не покажут на лицо носа, договариваясь о том, чтобы складно врать на допросах в милиции.

Спина гудела от удара в дерево, кровь из неудачно прокушенной губы капала на рубашку, Марат стянул ее с плеч, чувствуя, что эта запоздалая мера его не спасет. Нож и деньги были на месте. После корчей припадка все было как в тумане, и Марат, ползая на четвереньках, долго

собирал вылетевшие из нагрудного кармана открытки. Укатившуюся вниз фуражку Краба он поднял и сложил ковшиком. Подобрал и свернутую из газеты пилотку и сунул ее за ремень. Пожалуй, если ему с таким трудом в последнее время достаются средства к существованию, если он умирает с голоду в краю финиковых пальм и конфетных деревьев, то завтра, может, нечем и голову будет прикрыть от солнца. Фуражка Краба в счет не шла – это улика. Адику с Лорой он объяснил цель своих поисков иначе. «Шлёпки слетели», – пробормотал он и беспомощно развел руками, показывая, что не нашел. Ему возразили, что это мелочь. Марат опустил согласно голову: его босота в глазах спасителей отныне не вызывала никаких подозрений. Потом, когда его подняли и повели, он почти отключился и не отвечал на вопросы Лоры, что случилось, где он живет и т. п. Они сами вынуждены были разбираться в ситуации, и Марат словно сквозь сон слышал обрывки рассуждений, что после такого припадка ему обязательно нужен покой, что нельзя его оставить где-нибудь на лавочке, потому что его обидчики, очень вероятно, сейчас следят за ними. Им, видимо, безотчетно еще хотелось побыть спасителями и по-детски смаковать свое участие в его судьбе – конечно, в большей степени это касалось Лоры. Слово словно стекло – как будто это он был пьян, а не они, – Марат слышал слова Адика: «Я должен быть тебе благодарен, доходяга: если бы ты не вздумал тонуть у нас под носом, она бы ни за что не полезла в море – видите ли, оно ей надоело!» Лора отвечала за молчавшего Марата, а он волей-неволей прислушивался:

– А я бы просто прошла как королева! Чего она завизжала, побежала? Да пускай смотрят, кто не видел! Женщина мгновенно должна ориентироваться. Вот у нас был случай: выходит из автобуса дама, собралась в клуб в мини, стала переходить дорогу, вдруг резинка лопнула – и ее снежно-белое ажурное белье падает прямо на черный асфальт! Меня аж ошпарило внутри, словно это я потеряла... Она переступает через потерю и, не замедлив, не прибавив шагу, как будто так и надо, шествует дальше. Вот это женщина, вот это я понимаю! А тут мужчина, такой интересный, импозантный, сразу видно: из начальников, кивает на этот белый комочек – тут вся суть, конечно, в белье: если бы на ней был наш трикотаж мерзко-розового цвета, то всё, пиши пропало, – и говорит: «Это не вы обронили?» А дама ему: «Оригинальный способ знакомиться». Понимаешь, он ей понравился, и она его притянула, как коня за губу, – он ведь чуть слюной не подавился, когда белье с нее упало. Я на остановке стояла и видела: ни один шофер на то, что она уронила, не наехал. Какая-то старушка привела милиционера – молоденький такой, щупленький, а ранний: ухмыльнулся и не тронул. Я, говорит, не дворник, а нарушения тут нет, проезду не мешает. Я бы его поцеловала, не будь этот цуцик при погонах и при исполнении.

– Да уж я не сомневаюсь! – язвительно проговорил Адик.

На Марата они почти перестали обращать внимание. Волей-неволей привели его туда, куда шли сами – в небольшую, тесно заставленную комнату в полуподвале двухэтажного дома. Помещение казалось еще меньше оттого, что было перегорожено ширмами, из-за которых выпорхнула девочка лет девяти, в облаке тонких вьющихся белых волос вокруг загорелого личика, и во все глаза уставилась на Марата.

– Ты еще не спишь? – с досадой сказала Лора, и по ее тону, по сходству внешности и мимики легко было догадаться, что эти двое – мать и дочь. Значит, Марат проник в их гнездо. С чувством выполненного на сегодня долга он опустился на стул и позволил за собой ухаживать. Теперь, даже если Адик живет не здесь, он выйдет на него через эту семью, или через еще одну девушку, показавшуюся из-за ширм вслед за ребенком. Ее рот непроизвольно скривился набок, когда она увидела вошедших и попыталась улыбнуться, как будто левая половина лица онемела.

– Что, опять на море качка? – высоким голосом спросила девушка и тут же, зафыркав и замахав перед лицом руками, вернулась за ширмы: Адик, закурив, пустил ей в лицо струю дыма.

– Слабонервных просьба удалиться! – буркнул он, и непонятно было, почему его забота не простирается на дочь Лоры: она была гораздо младше интересовавшейся качкой девушки и, по логике вещей, более слабонервной.

После обработки ссадин они могли бы предложить проводить Марата туда, где он живет – он разрабатывал легенду местной шпаны и не собирался от нее отказываться, – и, предотвращая эту угрозу, Марат сказал, что не хотел бы возвращаться домой без обуви, которую он надеется отыскать утром, когда рассветет, и с рубашкой в кровавых пятнах. Это был намек на ночлег – они, обменявшись взглядами и слегка нахмурившись, молча уступили.

В какой же момент Марат повел себя неправильно? Может, когда слишком стоически переносил жжение от протирания спиртом ссадин на спине и руках, ведь с обычной точки зрения эти порезы и гематомы не что иное, как опасные для здоровья травмы. Он не собирался издавать никаких стонов и вроде бы даже ухмылялся, глядя, как Лора осторожно прикасается к коже ватным тампоном и робко шепчет «потерпи». Только один раз он непроизвольно дернулся и весь напрягся: когда вор жилистыми пальцами ощупывал его череп, проверяя, нет ли серьезных повреждений. Чего он действительно не мог переносить без всплеск злобной дрожи, так это всякого рода освидетельствований, прослушиваний, просвечиваний, пальпирований, заглядывания в зрачки и проверок коленных рефлексов резиновым молотком – этого в его жизни накопилось через край.

Вор с женщиной, всецело увлеченные медицинской помощью, и не подумали предложить Марату ужин. Конечно, они были уверены, что ему не до еды. В конце концов, он бесцеремонно попросил чего-нибудь выпить, чтобы снять нервный стресс, в мыслях зная, что выпивку без закуски не подадут. Лора была шокирована – негодуя всплеснув руками, она хотела что-то сказать, но, когда Адик выразительно на нее взглянул, полезла в холодильник за едой. Он куда-то вышел и тут же возвратился с бутылкой, наполненной темно-фиолетовой жидкостью с легким оттенком розового. На стекле была яркая этикетка с изображением старого замка и с подтверждающей рисунок надписью. «Презент от СМЕРШевца», – сказал Адик, криво ухмыляясь. В бутылке оказалось не кислое чешское вино, а самодельное, с необыкновенным букетом, в котором среди неопределимых оттенков Марат уловил и вкус лесной юргинской земляники, поспевающей на выгревах. Теперь, когда еда наконец появилась, утолению голода мешала распухшая кровотокающая губа, и Марат, смакуя, жевал на одной стороне тонкие ломтики костромского сыра, казавшиеся ему крепко солеными – может быть, от примеси крови. Он сознавал, что быстро захмелеет и перестанет контролировать происходящее. И старый сиделец Петрик не советовал пить, когда ты на задании, но Марат физически не мог круглосуточно быть при исполнении – он не локомотив, где сменяющие друг друга машинисты круглосуточно держат в руках рычаги управления. Таков был рваный ритм его миссии. Прежде она испытывала его годами мучительного выжидания, а теперь гнала в пожарном порядке, словно можно было разом наверстать упущенное. Он за один день продвинулся дальше, чем за все предшествующие годы. И заработал моральное право до утра отключиться. Его отвели за ширмы, на какое-то короткое, широкое и жесткое ложе, и он провалился в черноту, положив открытки под голову и нащупав в кармане нож.

Теперь, судя по тяжелому взгляду, который его разбудил, он расплачивался за непонимание происходящего. У Марата закололо между лопатками, он разозлился на себя, в любую секунду его могли убить одним ударом в спину, пока он с закрытыми глазами мудрит, препарируя вчерашний день. Он коротко зевнул и резко сел, открыв глаза, на ходу развернувшись так, чтобы лицом к лицу встретиться с тем, кто на него смотрел. Никого. В воздухе еще веяло чьим-то недавним присутствием и стремительным уходом. Выпавшая из кармана монета, глухо стукнувшись о половик, катилась по нему, пересекая домотканые полосы. Энергично моргая ресницами, чтобы скорее продрать глаза, он бесшумно соскользнул с постели – при свете дня

выяснилось, что это был громадный деревянный сундук, – походя аккуратно придавил монету ладонью к полу и заглянул за ширму.

В другой половине комнаты на панцирной койке под тускло блестящими шишечками спала Лора. Ее усталое лицо без парика и макияжа выглядело старше, чем вчера, и в то же время как-то по-детски. Голова со слипшимися жидкими волосами казалась слишком маленькой сравнительно со вчерашним днем, когда была увенчана париком. Спящая трогательно посапывала. Прислушавшись, Марат решил, что она гораздо ближе к сорока, чем он думал вначале; он косвенно определял действительный возраст женщины по ее дыханию. В Учреждении молоденькие заключенные дышали легко, а надзирательницы почтенного возраста, засыпая на посту, всхрапывали. Он сразу исключил Лору из числа тех, кому мог принадлежать взгляд. Ее поза во сне с жертвенно закинутой головой, с безвольно свисающей к самому полу кистью руки была слишком вычурной для притворства. И, кроме того, панцирная сетка, конечно бы, предательски скрипнула, если б она сейчас только прыгнула в постель. Дверь в коридор была приотворена. Значит, смотревший ушел. Или, может быть, вследствие вчерашнего перевозбуждения и с похмелья Марат сделался мнительным и шестым чувством услышал сигнал ложной тревоги?

Вокруг Марата померкло и, пока он в замешательстве повернул голову, вновь посветлело. Он подошел к окну полуподвала, влез на подоконник и, щурясь от полного света погожего утра, до плеч высунулся в форточку.

На небе – ни облачка. Над окном натянута пустая бельевая веревка с торчащими в разные стороны деревянными прищепками, но никакой простыни, которая при порыве ветра могла на секунду затенить комнату, не висит. Лишь далеко в стороне от окна сохнет чья-то темная рубашка. Значит, смотревший, обогнув дом, прошел мимо окна и, может, даже наклонившись, выставил в стекло свою физиономию и ухмыльнулся, глядя, как Марат спиной к окну, на четвереньках подглядывает за ширмы. Он оказался в глупом положении из-за того, что переусердствовал. Если бы он бездумно валялся на спине, оперев затылок на кинутый за голову локоть, он увидел бы в окно по меньшей мере обувь смотревшего.

Но довольно суеты. Первым делом Марат разглядел открытки с видами курорта и с огорчением отметил, что по картинкам и главное – по строчкам на их обороте пробежали полосы разломов, как по затрепанным картам, а между тем это важные улики. Да, этот день начинался гораздо менее удачно, чем вчерашний, но если бы Марат надеялся только на фарт, он шел бы сейчас по одному из выкрашенных синей краской коридоров Учреждения, а не сидел бы на этом основательном сундуке в помещении, более обжитом, чем весь его громадный казенный дом. Да, конечно, его интересует Адик, который явно живет не здесь, но, чтобы навести на него разговор, надо составить мнение о характере жильцов – кто-то из них, сам того не ведая, может рассказать о воре то, что подскажет Марату ход дальнейших действий.

Осмотревшись хорошенько, он подумал, что помещение напоминает похоронную контору. Может быть, ощущение склепа создавала красно-кирпичная кладка придомовой отмостки, поднимавшаяся за стеклом до половины уровня земли, которая резала окно наполам.

В маленьком, как шкатулка, заширмленном пространстве по-хозяйски использовалась каждая пядь жилплощади. Кроме сундука, пузатого и тугого, как барабан, тут помещался серенький диванчик с круглыми подлокотниками (видимо, здесь спала девушка, говорившая о качке на море). Собранная раскладушка, принесенная сюда явно на время, была прислонена к этажерке с книгами.

Подойдя к этажерке, Марат зацепил ногой раскладушку и осторожно отодвинул в сторону. На полке рядком стояли: «Васёк Трубачёв и его товарищи», «Моби Дик», «Женщина в белом», «Граф Монте-Кристо», «Кройка и шитьё», «Отверженные», «Морской дьявол», «Повесть о рыжей девочке», «Приключения Гекльберри Финна», «300 полезных советов»,

«Преступление и наказание», «Удольфские тайны», «Остров сокровищ», «Тарас Бульба», «Жизнь насекомых», «Пятнадцатилетний капитан», «Эндемики и экзоты Черноморского побережья Кавказа». Все книги были зачитаны до дыр (кроме свежей брошюры «Эндемики и экзоты...»). Марат решил, что это чтение молодого женского народа, вполне возможно успешного к 1975 году состариться (а то и умереть).

Над диванчиком висел гобелен – копия хрестоматийной картины: девушка на берегу лесного озера задумчиво глядела в воду. Кроме водной глади, она отражалась в большом трехстворчатом зеркале у противоположной стены, которое стояло на круглом столе с облупившейся от времени лакированной столешницей, вместе с настольной лампой, массой тубиков, пудрениц, пакетиков, флакончиков, кисточек, образуя настоящую гримерную, как в драмкружке. Наверное, ею пользовались так часто, что не имело смысла в этих коротких промежутках наводить порядок. Если сесть за стол, а потом повернуться вполборота к окну, ноги попадали на отполированные длительным употреблением педали швейной машинки. Словом, это было чисто женское гнездышко, где собственное присутствие показалось Марату неуместным до смешного. Знали бы они, кого приютили! Он взял пудру и попробовал забелить небольшой синяк под глазом, но след пудры на его скуластой физиономии смотрелся чужеродным пятном. Он послунил палец и стер его.

Венчала этот уют люстра на длинной ножке с бесчисленным числом сияющих чистотой стеклянных капель и затейливых висюлек. Марат припомнил, что по ту сторону ширмы, где спала Лора, тоже под потолком была лампа. Ему показались странными две люстры в одном помещении, если только оно не круглый год разгорожено ширмами. Во всяком случае, он уяснил для себя, что тут, если хочешь втереться в доверие, следовало вести себя тихо, не делать резких телодвижений, а вести себя вежливо, но не настолько, чтобы несоответствие вежливости бритому черепу и испачканной кровью рубашки не казалось смехотворным.

Глава 5

Допрос

Марат выдвинул один из ящичков в нижнем ярусе этажерки и уткнулся взглядом в ворох фотографий. Но, покопавшись в нём, не обнаружил на снимках Лоры. Однако всё-таки увидел знакомое лицо: рыжеволосая Жека, вытянувшая его из волн, над которой так жестоко подшутил вор, присутствовала на очень многих фотографиях. Вдруг из ходиков на стене с продолговатыми массивными гириями на длинных цепях показалась кукушка и прокуковала девять раз. Марат, державший в руках фото Жеки-подростка, летящей на тарзанке, которая была привязана к толстому горизонтальному суку разлапистого дерева (на обороте снимка стояла надпись «Вид с золота на золото»), торопливо бросил снимок поверх остальных и задвинул ящик. С последним «ку-ку» железной птицы за ширму проникла дочь Лоры с тарелкой крупных темно-сизых слив, подернутых дымчатой патиной. «Здесь прохладно», – прошептала она, ветром из-под выпяченной нижней губки обдувая разгоряченное лицо и волнуя свои одуванчиковые волосы. Девчонка явно желала продлить вчерашнее удовольствие и насладиться ролью избавительницы, сестры милосердия и хлебосольной хозяйки с тем машинальным бесстыдством, которое свойственно детям в распространении на себя заслуг родителей, хотя, по мнению Марата, дочь с матерью были неважными медсестрами и, по-видимому, даже не являлись хозяевами этого жилья, а просто снимали его на время летнего отпуска.

Учитывая то, как он бестолково шаркался между сундуком, ширмами и окном в момент пробуждения, Марат решил не суетиться и использовать то, что само шло в руки. Девчонку можно было незаметно для нее допросить, раз уж она своим приходом помешала более тщательному осмотру помещения. Она говорила шепотом, имея в виду, что мать спит, но этот же тон настраивал на проникновенный разговор, и Марат стал с ней шептаться, осторожно запуская зубы в мягкие сливы и плохо чувствуя их вкус опухшим ртом.

Для затравки он показал ей гладкий желтоватый гольш с продетым в узкое отверстие обрывком медной цепочки – вчера он обнаружил его зажатым у себя в кулаке. Видимо, отталкивая его от себя, Барабуля порвал ошейник, за который Марат удерживал длиннорукого соперника на короткой дистанции. Девочка объяснила, что такой камень с проточенной внутри него морем дырочкой называется «куриный бог» – он приносит удачу и встречается крайне редко. За три года, что они приезжают на море (он оказался прав!), ей такой ни разу не попался, хотя за три недели маминогo отпуска, который уже подходит к концу, она насобирала на пляжах целую коллекцию отличных камешков и ракушек. Эти сведения, как и сами камешки, не представляли для Марата никакой ценности, еще менее в его планы входило знакомство с коллекцией девчонки, которую она, судя по всему, намеревалась перед ним разложить. Уловив в голосе девочки зависть, Марат прервал ее и равнодушно подарил ей трофей, жестом показав, что ответных даров не надо, и для дальнейшей разминки занялся ее именем. Девочку звали Эля. Марат, обучаясь в Учреждении более грубым дисциплинам, чем этнография и ономастика, не смог разобрать национальной принадлежности ее полного имени Эльвира (вполне возможно, оно было интернациональным), но, чтобы задеть ее за живое и вынудить оправдываться – а ведь именно в таком ключе следует вести допросы, – спросил, не еврейка ли она. Эля, однако, не обиделась. Нет, она не еврейка. Ее вычурное имя – дань экзотике, к которой тянется ее мать, скучая в Салехарде. А к чему еще может тянуть молодую красивую женщину, которая весь год, кроме трех недель на курорте, проводит в тундре, в городе, который расположен прямо на Полярном круге? Хотя мать можно понять, Эля своему имени не рада. В школе к нему цепляются, и в душе она отчасти согласна с этими придирками: имя действительно отдает

ливерной колбасой. Людей, чтобы не осложнять им искусство жизни, надо называть просто: Оля, Коля... В заключение она неожиданно прибавила, сочувственно глядя на Марата:

– У тебя тоже плохое имя.

– Да, запоминающееся, – неопределенно ответил он, зная, что она не поймет.

– А почему тебя так назвали?

– Слишком много детей было в семье. Все нормальные имена достались тем, кто появился до меня. Зато я знаю имя еще неудачнее наших, – равнодушно сказал Марат.

– Какое же? – с любопытством прошептала Эля.

– Адик.

Она улыбнулась и энергично помотала головой:

– Это не имя, а кличка. На самом деле его зовут Владилен – в честь Владимира Ильича Ленина. Но, конечно, такое имя хуже всякого другого, потому что лучше Ленина всё равно не будешь и равным ему тоже. Адик еще и в тюрьме сидел – вот он и взял кличку. Кому же понравится быть хуже своего имени!.. Но спрашивать прямо его нельзя, – добавила Эля, – он отшучивается, говоря, что его полное имя Ад.

Разговор вошел в нужное русло, и Марат быстро получил от Эли полезные сведения, не вызвав у нее никаких подозрений, потому что вопросы типа «за что сидел?» в сложившейся ситуации были естественным проявлением любопытства в процессе непринужденной беседы. Очень ценно было то, что Эля делилась не столько собственными детскими наблюдениями, сколько информацией, подслушанной из разговоров матери с квартирной хозяйкой.

Лора с дочерью три года подряд останавливалась тут, в полуподвальчике квартирной хозяйки бабы Шуры. Они даже обменялись адресами и посылали друг другу письма, из которых Шура узнавала о времени приезда постояльцев, а Лора – о том, что на этот срок для нее будет освобождено полкомнаты. Хотя Адик все эти годы отсутствовал, отбывая срок, его личность нередко становилась предметом пересудов, так как Шура недолюбливала его мать, Раису, за спесь и высокомерие, но, учитывая, что они были соседями (Раиса жила этажом выше), хозяйка переходила на зловещий полусшепот. При этом Лора прикрикивала на ужинавшую рядом дочь, чтобы она не слушала разговоры взрослых, а быстрее ела и шла спать. Но тут-то Эля и ловила каждое слово. Она довольно отчетливо запомнила то, что из года в год заочно шептала баба Шура заинтригованной элегантными преступлениями Адика Лоре. И хотя Эля в тщеславном стремлении рассуждать по-взрослому забавно путалась в специальной терминологии и говорила «фасовщик» вместо «фарцовщик», Марат не перебивал ее, на ходу восстанавливая то, что в действительности стояло за ее словами. Иногда, увлекшись случайно затронутым по ходу беседы предметом, Эля уклонялась в сторону от ее главной темы – и тогда Марату приходилось терпеливо и незаметно для ребенка возвращать допрос в нужное русло, мирясь с неизбежными на окольных путях потерями времени. В конце концов Марат составил об Адике приблизительное представление.

В свои неполные тридцать лет Адик нажил много врагов, но нацеливать на него кого-то из них не имело смысла, потому что любой из них в отдельности был, очевидно, слабее его, и только в совокупности у них хватило бы сил упрятать его за решетку. (Рецидивист Юсуф был, конечно, из друзей Адика, и Марат не решился бы затеять интригу, чтобы как-нибудь столкнуть их лбами.) Пять лет – это был его первый срок – Адик получил в совокупности за мошенничество и спекуляцию фирменными вещами, которые доставал у приезжающих в город-курорт туристов из соцлагеря и западных немцев. Ему грозил более длительный срок – его подозревали в валютных махинациях, но при обыске ничего не обнаружили: ни немецких марок, ни американских долларов, ни польских злотых, ни чехословацких крон, ни даже советских рублей. Кроме того, нашелся еще целый ряд смягчающих обстоятельств. И хотя ни одно из них официально нельзя было принимать во внимание, фактически они всё-таки расположили суд в пользу обвиняемого.

Отец Адика был инвалидом войны. (Марат отметил, что Эля называла его по-свойски – «дядя Коля», – в то время как про мать Адика говорила «Раиса», равнодушно копируя речь взрослых.) То, что он присутствовал на суде с боевыми наградами на груди, хотя даже 9 мая надевал лишь орденские планки, служило лишь трогательным проявлением его озабоченности судьбой сына. Этот работяга-фронтовик находился поблизости и в то же время бесконечно далеко от шикарных гостиниц и центральных набережных курорта, где отдыхали интуристы, включая граждан когда-то побежденной им Германии. Сам дядя Коля про это, может, мало думал. Но большинство местного населения, к которому, естественно, принадлежали разбиравшие дело Адика юристы и народные заседатели, относились к немцам с некоторой долей раздражения. Дело было не в зависти к их одежде – чего ж тут плохого, если человек имеет возможность носить добротные модные вещи, – а в том, что они в чужой стране нисколько не желали поступаться своими привычками. Например, у взрослых мужчин была манера носить в общественных местах шорты. Среди советских граждан это позволяли себе только мальчишки пионерского возраста, не считая, конечно, отдельных выскочек и эксцентриков. По этим шортам и другим приметам фарцовщик за версту видел иностранца, еще до того, как тот раскрывал рот и произносил что-нибудь по-немецки. Вот такому-то Клаусу с торчащей из-под шорт рыжей шерстью на ногах Адик и показал фокус, про который долго рассказывал весь город после того, как слухи о нём просочились из правоохранительных органов в общественное мнение. И даже сами блюстители социалистической законности наверняка в душе усмехались, хотя вслух, квалифицируя преступление Адика, употребляли такие слова, как «дерзкое» и «особо циничное».

Марату это дело, насколько он мог судить по рассказу Эли, показалось изящным, но не слишком мудреным. Втеревшись в доверие к одному из западных немцев и убедившись, что Клаус не искушен в вопросах православной обрядности, Адик предложил ему купить древнерусские иконы из его якобы частной коллекции, которые он временно выставил в храме. Перед службой введя немца в полупустой храм, Адик предложил ему выбирать иконы, а сам подошел к попу и сказал, что убедил своего знакомого, протестанта из Германии, обратиться в православную веру. Батюшка подошел к немцу и ласково кивал, когда тот указывал на ту или иную икону. Немец, таким образом, в присутствии «хозяина коллекции» ставил попу в известность о том, какие иконы заберет после покупки, а священник думал, что протестант восхищается их красотой, и Адик в этом смысле переводил его реплики. Между интуристом и настоятелем храма был языковой зазор, и аферист виртуозно сыграл на их взаимонепонимании. Когда началась служба и поп ушел в алтарь, Клаус расплатился с Адиком валютой и даже получил скидку. Правда, тот напоследок попросил его об одном пустяке: из уважения к чувствам верующих не снимать иконы со стен до конца богослужения. Пока немец торчал в храме, сторожа приобретенные им предметы культа, русский сел в ожидавшее его такси и умчался в аэропорт – билет до Москвы был куплен заранее. Видимо, тяга Адика к броским эффектам была неистребима даже в ущерб безопасности. Расстояние от приморского курорта до Москвы и даже до Владивостока не могло защитить его от карающей десницы правосудия.

Компетентные органы быстро разобрались, какими мотивами руководствовался то ли обнаглевший, то ли свихнувшийся империалист, когда среди бела дня на глазах у возмущенных свидетелей принялся снимать иконы со стен храма. И, может, именно время вылета рейса из города (и оставшийся в аэропорту корешок авиабилета с фамилией Адика), поскольку аэропорт регистрировал всех пассажиров, включило Адика в круг подозреваемых. Как бы то ни было, его вычислили и привлекли к ответственности. Состоялся странный суд, на котором потерпевший иностранец отсутствовал, а тайные симпатии всех, за исключением служителей культа и группки их приверженцев, были на стороне обвиняемого. И чем тоньше было идеологическое чутьё юриста, тем отчетливее он понимал, что своими противоправными действиями беспартийный Владилен Зотов фактически отстаивал завоевания социализма. Об этом нелегко было

говорить всерьез и вслух, но из-под его мошенничества просвечивали и утонченный советский патриотизм, и воинствующий атеизм самого ядовитого толка. Адик разом выставил на посмешище и наших попов с их ребяческой верой в очевидное превосходство православия над остальными религиями, и западный мир чистогана, где даже ученый-биолог, учуяв запах наживы, забывает про бабочек, ради которых приехал на Кавказ, садится не в свои сани и теряет элементарный здравый смысл. Как выяснилось из показаний самого Клауса, он остался глух даже к глумливым предупреждениям самого афериста о готовящемся обмане: куражась и набивая иконам цену, Адик датировал их девятым веком, словно они могли быть написаны до принятия на Руси христианства. Словом, сын продолжал дело отца на незримых фронтах «холодной войны», как едко выразился в кулуарах судебного заседания некто Голубев, следователь по особо важным делам. Кроме того, что Адик утер немцам нос, он, встав на путь фарцевания, адресно повышал благосостояние населения. Владилен не был даже комсомольцем, но из его дел вытекало, что он смотрел на туристов из капстран, как Ленин на буржуазию, и эта преемственность, хоть и странная до карикатурности, тоже умеривала прокурорский пыл самых строгих судей. Во всяком случае, Марат на их месте не мог бы всего этого не понять.

Марат, сидя на полу рядом с Элей, хмуро грыз ногти. Она заметила, что это дурная привычка, но он перебил ее и рассказал Эле вчерашнее происшествие с Жекой на пляже. В своих наблюдениях он характеризовал Адика саркастически и присовокупил к ним догадку, на которую его натолкнули многочисленные улики, что именно Адик подарил Жеке растворяющийся купальник. Но для того, чтобы так жестоко оскорблять девушку перед всеми, надо быть или идиотом – но Адик не идиот, – или иметь веские основания. А откуда они могли взяться, если Адик только что освободился? Скорее всего, в их отношениях была какая-то предыстория. Что могло их связывать еще пять лет назад? Это тем более интересно, что Жека намного младше Адика. Сжато изложив свои соображения и убедившись, что маленькая сплетница впитывает каждое слово, широко распахнув серые глаза и машинально облизываясь, Марат поинтересовался, не знает ли она, что за птица эта рыжая-конопатая Жека...

Конечно, Эля ее прекрасно знала. Она внучка бабы Шуры и соседка Адика этажом ниже. Значит, сейчас Марат с Элей беседуют, сидя на полу того самого полуподвала, где Женя Лунегова и живет (правда, на лето они с бабушкой перебираются в сарай, а жильё сдают отдыхающим). Таким образом, поскольку Жека с Адиком росли в одном дворе, они были хорошо знакомы и, видимо, дружны. Не всякая школьница решится прийти на суд, а Женька на суде Адика была. Хотя она у кого-то раздобыла туфли на безумной шпильке, ярко накрасила губы и надела темные очки, ее узнали и донесли об этой сумасбродной выходке бабе Шуре. Поскольку старуха воспитывает внучек без родителей (есть еще Тоня, младшая Женина сестра, – наверное, он ее видел вчера) и отвечает за них одна, то она встревожилась не на шутку: все эти годы со страхом ждала возвращения Адика и даже с Лорой, Элиной матерью, шепталась о том, как охладить нездоровый интерес внучки к великовозрастному дружку-уголовнику. Было даже придумано некое средство... Тут Эля замолчала, видимо, решив, что сболтнула лишнее, а от прямого ответа, какое же всё-таки это средство, уклонилась. Когда Марат попытался осторожно нажать на девочку, она вовсе замкнулась и погрузилась в какие-то свои мрачные раздумья, время от времени пробегаая по лицу Марата тревожным и недоверчиво-колючим взглядом. Не так уж она была наивна, эта девочка-одуванчик. Теперь она показалась Марату старше своих лет – может быть, она просто не вышла ростом, как он, и ей вовсе не девять, а все двенадцать? Во всяком случае, присущая младшим школьницам жгучая страсть тайком выбалтывать чужие секреты у нее имела свои границы. Возможно, потому, что сейчас дело напрямую касалось ее матери? Теперь эта малолетняя свидетельница могла в любую секунду фыркнуть и упорхнуть обратно за ширму, из-за которой появилась, так и не дав Марату никакой зацепки, которая помогла бы найти подход к Адикю. Тогда все усилия, потраченные на допрос, пойдут насмарку.

Чтобы вывести Элю из дурного настроения и вновь завладеть ее вниманием, Марату пришлось срочно устроить небольшое представление: он заявил, что у него вдруг жутко разболелся палец и сейчас он его оторвет. Марат оттопырил вверх большой палец левой руки, забрал его в горсть правой и принялся качать и крутить, в то же время незаметно сгибая его фаланги внутри горсти. Когда он наконец со зверской гримасой отнял кулак правой руки от левой, на месте большого пальца несколько обескураженная Эля (нет, всё-таки ей всего только девять) увидела гладкое место. Марат показал ей секрет фокуса – палец (теперь он был согнут вниз) прятался от глаз за тыльной стороной ладони. Хотя оба понимали, что трюк примитивен, Эля улыбнулась, мир был восстановлен, и они вновь стали шептаться. Теперь Марат тщательно следил, чтобы разговор вращался вокруг привлекательных для девочки тем. С интересом он выслушал ее рассказ о том, что она сама может сшить себе платье – в самом деле, это очень полезное умение. Ее научила кроить и шить Тоня вначале, когда они только приехали. Теперь Тоня говорит, что занята, и Эля совершенно самостоятельно, без чужой помощи, сшила себе ситцевую юбку в горошек. Она даже вскочила, намереваясь сбегать за ширмы, чтобы предьявить ему юбку, но Марат, кивнув в сторону спящей Лоры, приложил палец к губам: «Разбудишь...»

Эля помотала головой:

– Да нет! Спать будет до обеда. Она всегда так, когда с Адиком засидится допоздна...

– А где он сейчас? – бесстрастно спросил Марат.

– Спит, конечно. – Эля ткнула пальцем в потолок. – Он недавно от нас ушел.

Они посмотрели на ходики на стене.

Минутная стрелка уже отщелкала три четверти круга. Девочка широко раскрыла глаза и, ойкнув, сказала, что ей пора, скоро начнется фильм, который она давно мечтала посмотреть, – «Дубравка», про девочку, живущую у моря. Может, и Марат с ней пойдет... Выяснилось, что Жека работала кассиром в том же кинотеатре, где Раиса, мать Адика, была контролером. Очевидно, Эля имела возможность бесплатно смотреть кино, быть может, даже вечерние сеансы, и в полной мере ею пользовалась. И, продолжая добровольно принятую на себя, в отсутствие матери, роль опекуниши, решила и Марата приобщить к благам бесплатного кинопросмотра. Приезжая маленькая девочка оказалась большой патриоткой недавно построенного местного кинотеатра. Здание современной архитектуры с залом на четыреста мест представлялось ей лучшим в городе, и его исключительность лишний раз доказывало то, что оно единственное в городе, где скоро состоится премьера фильма «Долг чести платежом красен». При этих словах Марат насторожился. «Может быть, это экранизация какой-то пьесы Островского?» – соображал он и не спеша стал разворачивать бумажную пилотку в газету. После вчерашних передрыг она совершенно истрепалась и расплзлась на сгибах, Марат, пробежав глазами афишу, удостоверился, что, во-первых, фильма с таким названием в ближайшие дни не планировалось, а во-вторых, любая лента крутилась сразу или по очереди в нескольких разных кинотеатрах – иное в разгар летнего сезона было бы непрактично. Марат не стал делиться с Элей своими сомнениями – глупо терять время в спорах с ребенком, – а, согласившись на поход с ней в кино, на ходу поинтересовался, откуда новость. Ага, оказывается, накануне, когда Марат уже спал, Эля слышала, как за ширмой Адик сообщил ее Лоре. Кроме того, он сказал, что после премьеры состоится розыгрыш лотереи: обладателя билета на определенное место ждет ценный приз. Когда она это говорила, ее глаза распахнулись в предвкушении чуда. Но она не знала о разговоре, который Марат подслушал вчера на катере, когда вор и Краб выясняли отношения. «Долг чести платежом красен» – что это всё-таки означает, шут его возьми!..

– Какой ряд? Какое место? – быстро спросил обескураженный Марат, отбросив церемонии, и так сжал Элин локоть, что она громко ойкнула.

Глава б

Свидетель ссоры

Всецело погрузившись в допрос Эли, Марат упустил из внимания женскую перебранку во дворе. Ее отзвуки пробивались в полуподвал сквозь стекло – оно слегка позванивало в унисон самым пронзительным нотам, – но Марат не вникал в ее смысл. И напрасно, потому что в какой-то момент дверь в комнату с треском распахнулась. Сонная Лора, злобно застонав, подняла голову. Но, пробежав мимо нее, за ширмы ворвалась сухонькая старушка и с неожиданной для ее тельца силой, так, что массивный сундук ворохнулся, откинула его крышку. При виде Марата старушка на миг остолбенела, но тут же в поисках чего-то, что ей приспичило извлечь сию секунду, стала расшвыривать из сундука вещи, успевая язвить незнакомца, чье неожиданное присутствие в комнате еще более усиливало ее раздражение.

– В этом доме можно жить? Везде глаза, везде уши! Из каждого угла по бандитской роже выглядывает! А чего еще ждать? Раз главный мазурик вернулся – вся окрестная шпана понабьется сюда, как тараканы по щелям! – бормотала она себе под нос, стоя к Марату спиной, но, конечно, адресуя гневные укоры ему. Это было так же очевидно, как и то, что возражать бессмысленно. Эля, повторив его недавний жест, приложила палец к губам. Марат понимающе опустил веки.

Вырыв наконец из сундука то, что искала – модную, хоть и опрелую на сгибах от долгой лежки замшевую куртку с хипповской бахромой на рукавах, – старушка сгребла ее в горсть и побежала вон из квартиры, но у двери ее перехватила выскользнувшая из-под простыни Лора.

– Баба Шура, не кипятитесь! Это же вышел счастливый случай, благодаря которому между ними всё отныне навсегда покончено. Лучше и нарочно не придумаешь, – быстрым значительным шепотом говорила Лора. В одной ночной рубашке со сползшей до локтя бретелькой она возвышалась над строго одетой и туго причесанной старушкой и бросала из-за нее быстрые взгляды то на замшу в ее руках, то на Марата с Элей. Но ее увещевания достигли противоположного результата.

– Вы смотрите, она меня поздравляет! – изумленно проговорила баба Шура, как бы не веря своим ушам и отшатываясь от квартирантки, чтобы еще раз хорошенько ее рассмотреть. – С чем?! С тем, что девку осрамили навеки?! Что всю жизнь, чего бы она в жизни ни добилась и кем бы ни стала, ее будут вспоминать по одному этому *счастливому* – вот оно счастье! – случаю: это, мол, та самая, что по пляжу нагишом бегала. И прозвище какое-нибудь приклеят вроде Женьки Голой. У нас, бытхуян, с этим скоро. До пенсии будешь носить, не отскоблишься. Ей теперь хоть беги из города. А куда бежать, если летом вся страна тут? На весь Союз ославили! В поезде, на вокзале, на базаре – где-нибудь да узнают, будут щериться и пальцами тыкать. Значит, беги из страны. А куда бежать? За границу? Так ведь и за граница будет в курсе. Разве я не говорила тебе, что Адик с интуристами якшается? А теперь ты скажи: для чего он ее вчера на пляже при всём народе фоткал, пока она, бедная, готова была сквозь землю провалиться?

– Разве он ее фотографировал? – нахмурясь, проговорила Лора. – Я не видела.

Но ее недоумение только подлило масла в огонь. Баба Шура так и взвилась:

– Ты рядом стояла – не видела, а другие за километр разглядели! Чужие люди! Чужие люди, которые Владьку знают – а кто на Бытхе не знает его фокусов! – и те мигом смикитили, что он эти карточки западным немцам продаст, глазом не моргнет! А не купят – так подарит, чтобы поглумиться, чтобы *их* газеты пропечатали, в каком виде советская девушка не стыдится прилюдно показаться на пляже! А это уже позор на весь мир!

Марат смотрел на старуху во все глаза, озадаченный масштабом нарисованной ею картины последствий вчерашнего эксцесса. Она между тем продолжала.

– Чужие люди, – воскликнула она, словно смакуя ту особенную боль, которую причиняло ей это слово, – и те хотели девку заслонить, спрятать, да далеко стояли! А как же это, они мне говорят: твоя подруга, твоя квартирантка рядом стояла – пальцем не шевельнула, не толкнула шаромыгу под руку, не выцарапала ему глаза, не засветила пленку? Вот она, благодарность вам с внучкой за то, что сами в сарай перешли, а эту гадюку в дом пустили! Так-то чужие люди говорят, а мне и крыть нечем!

– «Гадюка», положим, деньги платит, – дрожащим голосом сказала Лора, растерянно оглядываясь по сторонам, видимо, ища угол, где могла бы, укрывшись от лишних глаз, одеться и привести себя в порядок. Но в крохотном помещении такого укрытия не было, а за ширмы мешали пройти Марат с Элей. Тут еще баба Шура ухватила ее за руку.

– Де-е-еньги?! – протянула она, метнув взгляд на Элю, словно присутствие ребенка до сих пор сдерживало ее, но теперь, раз сама мать коснулась этой темы, она тоже решила отбросить всякую дипломатию. – Денюжки твой муж платит, который на северах трудится, чтобы ты на югах каждое лето могла хвостом вертеть. А дочку с собой берешь для ее здоровья или для отвода глаз – чтоб у него там подозрений не возникало. Ведь он не догадывается, что с ней мои внучки водятся, пока мамаша тут отсыпается после бурных ночей. Ты подумай-ка: что будет, найдешь ли ты хоть где-нибудь угол, не говоря уже о бесплатной няньке, если я сию секунду шваркну в твои бесстыжие глаза деньги и выставлю тебя за порог?

– Эльвира, не слушай клевету этой женщины! – сказала Лора сдавленным голосом. Вдруг лицо ее невольно жалко скривилось, она бросилась на подушку и зарыдала.

– Ага, – профырчала баба Шура, – чужая-то голая правда по пляжу побежала, а своя глаза защищала!

И торжествующая старушка, расправившись с одной оппоненткой, метнулась на улицу. Марат, щурясь от света позднего утра, выскочил за ней. Эля утешала мать.

На дворе по бетонной отмостке вдоль стены дома, то закладывая за спину руки, то поднимая их перед собой и взглядывая на крошечные дамские часики, шагала взад и вперед стройная, несмотря на полноту, женщина. Еще раньше изнутри дома Марат заметил в окне полуподвала напряженные икры ее ног в туфлях-лодочках на низкой шпильке и край темной юбки-миди. Теперь он увидел и снежно-белую однотонную блузку с глубоким вырезом, и массивную голову, оттянутую назад тяжелым узлом затейливо собранных на затылке белокурых волос. И осанка, и выразительные линии породистого лица говорили о том, что некогда эта пожилая женщина была замечательно красива. Хотя в физиономии Адика ее губы, нос и брови казались смазанными и какими-то оплывшими, Марат наметанным глазом угадал в ней его мать. На это же указывала и ярость, с которой Жекина бабка подскочила к ней, протянула замшевую куртку и потребовала фотопленку. Но эта женщина была явно не Лора. Она только еще глубже за спину убрала руки и презрительно пожала плечами.

– Ваша внучка носила новую вещь, пока из нее не выросла, – проговорила она тягучим, переливчатым голосом. – А теперь вы хотите ее сдать. Ловко! Только комиссионный магазин располагается у Пролетарского подъема напротив Поцелуевского гастронома. А я не беру подержанные вещи.

– Райка, не кобенься, – угрожающе сказала баба Шура. – Твой Коля тебе из этого замшевые перчатки смастерит, чтоб не холодно было зимой корешки билетов отрывать. Да еще, пожалуй, на сумочку с портмонометом останется. Всё будет как раз в тон твоей дубленке, из которой ты пока еще не выросла, – не удержавшись, съязвила старуха.

– У меня есть и сумочка, и перчатки. И не самодельные, и не одни, – насмешливо возразила дама.

– Тогда просто так отдай пленку! – вспыхнула старуха, швыряя замшу на землю, но, впрочем, рассчитав так, чтобы дорогая вещь не угодила в лужу от прошедшего ночью дождя. Ее противница боком, отведя колени в одну сторону, как это делают женщины в тугих юбках, присела и двумя пальцами подняла куртку.

– Вещица, конечно, поношенная, но не поддельная, и действительно фирменная и модная. Хотя размер не ходовой, сбыть ее выгоднее на толкучем рынке у вертодрома. Да, лучше несите туда, не в комиссионку, – говорила она, расправляя куртку и протягивая ее старушке, а когда та не взяла, небрежно разжала пальцы и уронила на прежнее место. Яда бы у нее хватило на двух баб Шур. И, соглашаясь с этим, старуха совершенно отбросила тон язвительной полусерьезности, с которого всё равно сбивалась.

– Раиса, если ты не враг своему ребенку, не вынуждай меня на крайние меры, – строго и вместе с тем доверительно, как читают детям нотации, заговорила она. – Ты ведь знаешь, что за только что освободившимися из заключения надзор строг. Стоит мне заявить в милицию – и твоему сыночку не избежать крупных неприятностей за совершённое в общественном месте особо дерзкое и циничное хулиганство. Но я тоже мать, у меня есть сердце. Неси скорее из дома эту треклятую пленку. Мы ее вместе засветим – и делу конец.

– Да вот же она, – сказала Раиса, разжимая ладонь, в которой тяжелой улиткой чернела кассета, из ее плотно сомкнутых бархатных губ был выпущен кончик фотопленки. Но прежде, чем баба Шура успела что-то сообразить, женщина вновь крепко сжала кулак. – Да, я знаю, что только что освободившиеся из мест лишения свободы ходят как по лезвию ножа. Доброхоты только и ждут, что человек оступится, чтобы сделать из него рецидивиста. Умышленно или нет, его подстрекают на опасные шаги – например, девушка, пять лет назад принимавшая от него дорогие подарки и делавшая ему авансы, теперь едва его замечает. Это, мягко говоря, некрасиво. И заслуживает презрения. С юридической точки зрения сюрприз, преподнесенный судимым Владиленом Зотовым своей соседке Евгении Лунеговой, не имеет оправдания. Но по-человечески и по-женски я его понимаю. Вслух я его клянц за неосторожность, но мысленно ему аплодирую. И как мать, я сделаю всё возможное, чтобы оградить его от ваших кляуз в милицию. Но именно поэтому я не уничтожу эту пленку, а буду хранить ее как зеницу ока, как мое единственное оружие возмездия! – Раиса перевела дух, но то, что она заявила дальше, шокировало даже видавшего виды Марата, хотя всё вежливее звучал ее голос, и бабу Шуру она назвала даже по имени-отчеству: – Вы верно подметили, Александра Тихоновна, что у меня и дубленка, и итальянские сапоги, и еще много чего есть. И всё это я готова продать, чтобы ваша внучка в костюме Евы фигурировала не только на страницах буржуазной прессы, но и глядела со всех досок объявлений в нашем городе, чтобы она в виде какой-нибудь дамы или десятки присутствовала в каждой колоде непристойных карт, которые продают в поездах глухонемые прохвосты. А в одно прекрасное утро ее огромный фотопортрет появится на афише кинотеатра, где она работает... Если вы или ваша внучка только посмеете капнуть в милицию, я гарантирую вам грандиозный скандал!

При последних словах баба Шура попыталась выхватить пленку, но Раиса подняла ее над головой.

– Караул! – крикнула нарочито плаксивым голосом низкорослая старушка, подпрыгивая и всплескивая руками. – Вот она, интеллигенция! Работница очага культуры, мать спекулянта, всё, говорит, продам за границу. Ты свидетель! – И внезапно она схватилась за Марата, как за якорь спасения. Но так очевидно беспомощен был этот жест отчаяния, что Марат даже не попытался высвободить руку, хотя она больно впиалась в нее худыми старческими пальцами, как испуганная птица кривыми когтями. То она называла его мазуриком, то тянула в свидетели, фактически возвращая по сию сторону закона, в число заслуживающих доверия граждан. Но он не был ни тем, ни другим. Раиса – и это было для Марата гораздо удобнее, – напротив, недооценивала его и не считалась с его присутствием. Продолжая держать кассету над голо-

вой и поигрывая ею в высоко занесенной, как для удара, руке, она уже уходила напряженной подрагивающей походкой от обескураженной старушки по каким-то ведущим со двора каменным ступеням. Марат заметил, что в этом дворе и этом доме из-за обилия зелени и сложного рельефа люди как-то быстро вдруг выныривали откуда-то и так же внезапно исчезали.

Пока он был нечаянным свидетелем ссоры, мимо него несколько раз шмыгнула туда и сюда Эля. Она не тратила зря время и после ухода Раисы вместе с матерью показалась из двери подъезда. Они вышли уже с вещами. Лора была наспех причесана и заплакана. В искреннем горе и без искусственно увеличенной париком головы она казалась гораздо привлекательнее, чем в момент первого знакомства. И если ее далекий северный муж испытывал к ней привязанность, то сейчас Марат понимал его гораздо лучше. Собрались они плохо. Эля, сурово сжав губы, почему-то прижимала к груди, очевидно, мамину дамскую сумочку с деньгами и документами, тогда как Лора в одной руке держала за длинные ремешки босоножки; при ходьбе она для равновесия сильно закидывалась всем телом влево, потому что по правой коленке ее хлопал тяжелый чемодан. Из-под его защелкнутой в спешке крышки торчал короткий рукав клетчатого платья, обшитый рюшем. Впрочем, всё это, как вскоре выяснилось, было несущественно, потому что перебирались они всего метров за сто от дома, в этот же двор, в сарай дяди Коли. Эля, по ее словам, уже успела заручиться его согласием принять их на последние дни отпуска. Матери он поставит раскладушку, а Элю вполне устроит гамак. Зато для бабы Шуры эта новость послужила последней горькой каплей, окончательно переполнившей чашу ее терпения. Хотя все слышали, как пять минут назад баба Шура грозилась выставить Лору за порог, теперь с такой же отчаянной решимостью она принялась удерживать квартирантку. Причем в криках, которыми сопровождалась борьба – Марат всегда этому поражался в женских конфликтах, – присутствовала по-своему безукоризненная логика. Вчера, в ярости восклицала Шура, навеки ославили внучку, а сегодня, раз бабка осмелилась сказать слово в защиту, позорят и ее, выставляя хозяйкой, которая способна прогнать замужнюю женщину с ребенком под кров женатого мужчины. Нет, она хоть и простая техничка, моющая за публикой полы в кино, но приличия знает: сколько лет работала (да и сейчас трудится совместителем) с людьми самого высокого пошиба в военном санатории – и не будет стеснять дорогих гостей, пусть занимают и комнату, и сарай, а они с внучкой заночуют в подсобном помещении в кинотеатре или на пляже. Баба Шура всхлипывала и хватала Лору за ручку чемодана. И хотя Марата происходящее никак напрямую не касалось, он растерялся.

Однако с той же непривычной логикой, в которой ясно прослеживалась определенная цель, но не было никакой последовательности в ее достижении, Марата выручила Эля. Эта маленькая женщина, тихонько отведя его в сторону, сказала, что разумнее всего сейчас пойти в кино, оставив квартирную хозяйку наедине с матерью, – так они легче всего помирятся. Судя по всему, девчонке не впервой приходилось улаживать их ссоры.

Глава 7

По дороге в кино

Места постоя Марат привык покидать так, как если бы ему никогда не предстояло вернуться. Хотя было стойкое ощущение, что он еще наведается в этот нашпигованный страстями дом на склоне, он постарался перед уходом убрать все следы своего пребывания. Чтобы не оставить по себе плохой памяти и страхуясь от возможных неприятностей в будущем, он попросил Элю унести обратно в хозяйский сундук забытую посреди двора замшевую куртку: в неразберихе ссоры вещь могла затеряться, и та же баба Шура, которая умоляюще хватала Марата за руку, так же скоро и безапелляционно заподозрила бы его в краже.

Похвалив себя за такую дальновидность, Марат в то же время едва не оставил на бельевой веревке личную нейлоновую сорочку старшего узника Петрика, так как опознал ее только подойдя вплотную по внушительному размеру ворота и отсутствию пуговиц на манжетах. Вместо них были прорезаны петли под запонки. Чьи-то заботливые руки не только выстирали сорочку, но и перекрасили из белого в темно-лиловый цвет из-за вьевшихся в ткань пятен крови – они и теперь проступали на груди, но меньше бросались в глаза. Вообще, рубашка стала менее маркой и претенциозной. Снежно-белую нейлоновую сорочку Петрик получил в посылке с воли как выходную одежду, но до окончания срока не носил, и от долгой лежки на синтетической ткани появились бледно-желтые разводы, словно ткань прижгли утюгом. Но даже в таком виде, даже с учетом того, что Марату сорочка была велика, она придавала ему гражданский и даже несколько стилижный вид, особенно когда он закатывал до локтя рукава, оказавшиеся для его рук чересчур длинными, хотя вчера на катере Адик в запале полемики и высказал предположение, что он мог снять ее с убитого, но смехотворность такого предположения не стоила даже ответа. Старый сиделец Петрик, конечно, не так мелочен и наивен, чтобы надеяться, что его одежда после многотысячекилометровой носки вернется к нему в первоначальном виде. Он предусмотрел главное: оставил себе серебряные, в виде театральных масок, запонки. Сорочку Марат раздобудет ему новую, похожую. Словом, неведомо чья идея ее перекрасить легла точно в масть, но именно этим загадочная непрошенная забота настораживала. Марат попытался у Эли выведать, кто ему «испортил» рубашку (из осторожности он решил оставить за собой право выдвинуть претензию), но девочка не знала и торопила его в кино.

Сорочка оказалась еще влажной – пришлось досушивать ее на себе, чтобы не привлекать лишнего внимания на улицах: с длинным метущим землю клешем голый торс не вязался. Старые почтовые открытки с видами Сочи он вложил в бумажную пилотку, а ее аккуратно поместил внутрь Крабовой фуражки, чтобы всё это держать в одной руке и хотя бы правую оставить свободной. Если так и дальше пойдет, скоро ему не в чем будет носить личные вещи. После того, как вчера он утопил куртку-жилет, а один из нагрудных карманов сорочки оторвали в ночной сваре у лестницы, из восьми карманов, с которыми Марат прибыл в Сочи, уцелела только половина. Причем нагрудный и задний брючный не годились для ценных вещей, так как их содержимое при резких движениях – а кто же от них застрахован – незаметно, само собой выдавливалось, выползало и выпадало, В брючных же боковых всё ужасно мялось – в них Марат держал только нож, а также (в том случае, когда они у него имелись) деньги и карты. Впрочем, эти потери, хотя их нельзя было совсем сбрасывать со счетов – так ведь можно остаться даже без пустых карманов, – были столь же неизбежны, сколь и малозначительны. Главное – пусть его и бросало из стороны в сторону, он продолжал двигаться к цели своего черноморского рейда. Приглашение в кино было нечаянной, но весьма кстати подоспевшей помощью. По опыту Марат высоко ценил моменты, когда ненароком подвернувшийся случай

увлекал его из тупика в неожиданную сторону, и он двигался дальше на волне обстоятельств, как теперь бодро шагал рядом с Элей по обочине узкой извилистой дороги в кинотеатр.

То, что сложившаяся вокруг Лоры ситуация не позволяла Марату в ближайшее время к ней подступиться, было совершенно очевидно. Но с такой же беспощадной ясностью он понимал, что крайне важные сведения, вернее – намеки на них, полученные от Эли, требовали срочной проверки, уточнений и дополнений. Получить их, не имея официальных полномочий, Марат мог лишь в процессе неформального допроса, когда собеседник не замечает ни того, как у него берут показания, ни того, что он их дает. Но необходимый для затравки отвлеченный разговор, тем более с малознакомым человеком, Лора в ее душевном состоянии, конечно, не поддержит – значит, оставалось перенацелиться на других свидетелей, одной из которых была Жека, кассир кинотеатра, куда он теперь сопровождал Элю. Хотя и у этой свидетельницы рана вчерашнего оскорбления на пляже не могла так скоро зарубцеваться. Но слёзы точно успели высохнуть. А сменившую их холодную, загнанную внутрь обиду у Марата был шанс обойти. Ему ничего не оставалось, как только суметь это сделать, чтобы искупить грубейшие оплошности последних суток, когда он бездарно проспал ключевые события: на море его сморили голод и качка, а на суше – сытость и покой. Пока он держался так, точно заявился на отдых, и спал под разными предложениями в разных местах и любых позах. В результате он вынужден был плестись в хвосте событий и питаться, кроме собственных домыслов, только сомнительными сведениями из вторых и третьих рук: выведал у Эли сказанное Ади-ком Лоре то, что мог бы слышать своими ушами. Узнай об этом старый сиделец Петрик – Марату бы не поздоровилось. В отличие от перекрашенной сорочки, это был не курьез и не пустяк. Но правдой было и то, что этот город обладал невероятной расслабляющей силой. Хромая рядом с Элей под жарким уже солнцем, Марат, как и вчера, чувствовал, что все люди, идущие впереди и сзади – а их было много, – облиты, словно бесцветным лаком, южной негой. Они съехались сюда из самых разных широт, но это их роднило и отличало от местных, которые, видимо, привыкли работать в таком климате и даже, судя по цвету кожи Раисы и Шуры, а также Жеки, – не загорали. По бледности тела Марата можно было принять за местного, а по вялости – за с дыха, как называли тут курортников. Пока он был ни рыба ни мясо и понуро прятал голову в жидкую тень растущего вдоль обочины высокого кустарника с узкими кожистыми листьями и бледно-розовыми соцветиями. Такой же Марат видел вчера у железнодорожного вокзала. Нарочно его сажали повсюду, или растение размножалось само, выстраиваясь вдоль дорог однообразными унылыми шпалерами? Обычный дикий шиповник мог дать фору этим невзрачным безароматным лепесткам и клеенчатым листьям на тощих стеблях, среди которых Марат не замечал никакого движения жизни. Но и это впечатление, к чему Марат на курорте никак не мог привыкнуть, оказалось обманчивым, потому что ее приметы, как вскоре выяснилось, надлежало искать на асфальте.

Вначале Марат с Элей слышали преувеличенно громкий голос.

– Ты опять не смотришь под ноги, Эльвира, и поэтому не видишь того, что над головой! – кричал высокий чернявый человек, выходя из-за кустов им наперерез, выхватывая из-под самых их ног крошечные рубчатые лепешечки и поочередно поднося к их лицам, чтобы они могли разглядеть. – Это выделения гусеницы олеандрового бражника, они хорошо заметны, когда падают на асфальт. И по ним я нахожу кусты, населенные гусеницами, – продолжая кричать хриловатым баритоном, мужчина потянулся вверх, вставая на цыпочки и вертя головой.

Пока он что-то высматривал, Эля в ответ на недоуменный взгляд Марата быстро объяснила, что этот чудак так кричит, потому что из-за тугоухости не чувствует силу собственного голоса. А кто он такой, она, если Марату интересно, расскажет позже, поскольку вот он уже вновь обернулся к ним, держа в руках сломанную ветку олеандра. Часть листьев на ней была повреждена. А среди них, сливаясь с ними, беспокойно шевелилась огромная, длиной в ладонь, зеленая гусеница с двумя голубоватыми пятнами на голове, похожими на широко распахнутые

глаза. Из толстого хвоста торчал острый коричневый рог. Мужчина аккуратно вложил ветку в уже собранный им пук такой же зелени – только тут Марат заметил, что в ней копошилось множество таких же рогатых «четырёхглазых» червей.

Эля брезгливо надула губы, поманила пальчиком – и этот поджарый старик в белой войлочной шляпе, с сухим горбатым носом, из которого вился жесткий черный волос, послушно наклонился к ней с высоты своего огромного роста. Она сложила ладошки трубкой и крикнула ему в самую ушную раковину: «Зачем?»

– Это – букет, – проговорил он, и гримаса на его лице, вероятно, свидетельствовала о том, что он старался смягчить зычный голос. Но, поскольку Эля и Марат смотрели недоуменно, он не мог понять, неясен им смысл или слишком тих звук. Тогда он махнул рукой и опять закричал: – В этом букете спрятаны все времена года! Вот сейчас он изображает лето – буйство зелени, копошение жизни. Когда гусеницы съедят все листья и от олеандра останутся голые прутики, наступит унылая пора, осень. Гусеницы сползут вниз, окуклятся и поменяют зеленую окраску на цвет опавшей жухлой листвы, чтобы сливаться с землей. Они надолго замрут – и букет будет символизировать зиму. С виду он кажется совершенно мертвым, но это не так. Однажды ночью, через месяц, твердые неподвижные коконы отворятся и из них выползут молодые бабочки. Они поднимутся на безжизненные прутики олеандра и на весу примутся расправлять и сушить свои сморщенные крылья. Это наступит весна. А когда олеандровые бражники взмахнут этими разноцветными крыльями, похожими на махровые лепестки экзотических цветов, и сорвутся с голых веток, тогда мы поймем, почему древние считали бабочек цветами, улетевшими со своих веток. А в комнате, где будет стоять этот букет, вновь как бы наступит лето!

– Бабочки погибнут в квартире! – крикнула Эля.

Мужчина развел руками:

– Их гибель неизбежна в любом случае. Сейчас на кустах тысячи гусениц олеандрового бражника. Все они окуклятся и будут ждать весны, но не дождется ни одна. Даже местные зимы, почти без снега и морозов, для них слишком суровы. Поэтому на русском юге обитает только псевдопопуляция этих бабочек. Каждую весну они тут появляются, и каждую зиму все до единой вымерзают. А родина олеандровых бражников – Северная Африка. Оттуда они летят на запах олеандра из страны в страну, пересекая множество границ и достигая весьма прохладных мест... Вы не из Петрозаводска, молодой человек? – вдруг без всякого перехода крикнул мужчина Марату.

Настороженный такой конкретностью вопроса, Марат секунду подумал, нет ли в нём подвоха, и лишь потом сделал отрицательный жест. Он был раздосадован: этот тугоухий – судя по его знаниям, явно местный – и мысли не допускал, что Марат тоже здешний. Марат засомневался, настаивать ли ему на легенде о местной прописке. Во всяком случае, озвучивать ее без серьезной необходимости стоило вряд ли.

– Я к тому спрашиваю, – объяснил мужчина внезапный и довольно бесцеремонный вопрос, – что олеандровых бражников видели даже в Карелии. Вот куда они долетают! Вы закономерно спросите: а чем эти гусеницы под Петрозаводском питаются? Ведь их главное кормовое растение – вечнозеленый олеандр – выжить там, конечно, не в состоянии. Зато на севере растет его родственник – барвинок. Теперь понятно, да?

– Для чего букет? – громко перебила его Эля.

– Подарок такой.

– Женщине?

Мужчина, снова нагнувшись и распрямившись, как-то по-детски поморгал глазами – то ли собираясь с мыслями, то ли раздумывая, отвечать ли на вопрос. Несколько прохожих, привлеченные зычным баритоном и, вероятно, подумавшие, что мужчина ведет экскурсию, обступили его. Брезгливо наморщив носы, они с интересом разглядывали гусениц. Одна женщина

массивного телосложения с короткими крашеными волосами (Марат часто видел в маленьких городах такого типа продавцов магазинов) угрожающе сказала:

– Попробовал бы кто-нибудь вручить мне такой букет – я б сразу упала в обморок!

Но поскольку тугоухий ее не расслышал, Эля презрительно крикнула:

– Это весь подарок?

– Нет.

– А что же еще?

– Секрет!

– Знаю я этот секрет, – совсем по-старушечьи проворчала Эля в сторону, – небось сачок для бабочек. Мы в кино! – крикнула она, вновь повышая голос и увлекая за собой Марата.

Но мужчина, задержав их еще на минуту, попросил Элю по возвращении занести ему домой два билета на вечерний сеанс: одно его обычное – тридцать второе место в шестнадцатом ряду, рядом с розеткой для слухового аппарата; билеты он забронировал: «Вот деньги!»

Хотя Эля не решилась открыто отказать Глухому, весь оставшийся путь она брюзжала, фыркала и отпускала в его адрес ядовитые замечания. Судя по ее словам, он был самый жалкий из всех мужчин, которых только можно представить. Строго говоря, этот чудак со своими ребяческими сюрпризами вроде букета с гадкими гусеницами и дешевыми подарками вроде билета в кино не годился даже для летнего флирта (опять она явно повторяла слова взрослых людей – скорее всего, матери). Разве уважающая себя женщина посмотрит в его сторону? И всё-таки, несмотря на свою редкостную инфантильность, он имел наглость обзавестись семьей, детьми, а после смерти жены – долго ли проживешь за таким муженьком! – еще и сбежал от них на край света с любовницей. Всякий иной, отважившийся на такой циничный шаг, заслуживал бы ненависти и мщения. Вдали от теплого моря этот рохля застудил себе среднее ухо и почти оглох. Любовнице он, конечно, стал в тягость. Ну-ка поговори с таким – быстро осипнешь! Она и отослала его обратно, как бракованный товар на базу. Да и с самого первого момента, будучи тут в отпуске, не скуки ли ради поманила она его за собой от Чёрного моря к Охотскому? Она уволокла его чуть ли не прямо с экскурсии, на которой он рассказывал отдыхающим про какие-нибудь макаронные деревья, колхидских жаб, кавказских гадюк или, вот как сейчас, об олеандровых бражниках. Но какие сильные чувства можно испытывать по отношению к этому впавшему в детство глухому любителю насекомых? И как для недавно обступивших его теток, так и для той женщины сам гид казался не менее диковинным и странным экземпляром, чем гады, о которых он распространялся. Почему бы не пополнить им свою коллекцию и не увезти туда, где такие языканы не водятся? Что касается оставленной им семьи, то они по его возвращении в город даже не знали, как к нему отнестись. Живет он отдельно в служебной каморке при санатории, в окружении трескучих древесных лягушек, мохнатых пауков-птицеедов и змей, у которых даже принимает роды.

Разговор пора было закруглять – они уже подходили к кинотеатру, о чём говорила и огромная афиша: «Ромео и Джульетта», Франция-Италия, 2 серии, начало сеансов – 17, 20 часов, «кроме детей до 16 лет».

Глава 8

Билет на вечерний сеанс

Сейчас Эля, однако, торопилась на другой, дневной сеанс. Его афиша – поскромнее, помельче – висела под вечерней. Марат, не обратив на нее внимания, внимательно рассматривал здание. Ровного места на этой горе, видимо, не было ни одного. И кинотеатр – огромная бетонная коробка со стеклянным фасадом – одним боком подпирает склон, а другим обрывался в асфальтированную площадь, куда от входа вела крутая, но широкая лестница. Судя по часам над входом, шел уже киножурнал.

В пустынном фойе, где приятно было стоять разгоряченными ступнями на холодном полу из мраморной крошки, Эля, пользуясь своим знакомством с контролером – а ею была не кто иная, как ссорившаяся утром с бабой Шурой Раиса, – предложила провести Марата в кино бесплатно. Он возразил: в его возрасте несолидно то, что приемлемо для Эли, – лучше он потратится на билет. Девочка не настаивала. Ее властно тянул внутрь сумрачный зев зала, откуда сквозь плотно затворенные двери доносились раскатистые, но здесь еще невнятные звуки человеческой речи.

Эля на цыпочках бесшумно прокралась в двери. Последней исчезла ее тонкая, бледная кисть, соскользнув с ручки в виде бронзовой головы льва. Марат остался один. Морская фуражка, которую он надел от солнца на улице, пока его вынуждали слушать красивую, но никчемную историю олеандровых бражников, оказалась велика, резала и терла уши. Но Марат не спешил ее снимать. Она вполне гармонировала с брюками – ведь его клеш по ширине был почти флотским. А главное, с помощью фуражки он надеялся с ходу, еще до того, как будут произнесены первые слова, увести крайне важную беседу с кассиром из опасного русла. Без сомнения, воспоминание о вчерашнем конфузе еще долго будет заслонять от Жеки все иные темы. И сейчас, при виде стриженной головы вчерашнего утопленника и первого свидетеля ее позора, она могла сразу выпалить, что если он пришел выразить благодарность или соболезнование, то ни в том, ни в другом она не нуждается, – и напроць замкнуться. Марат знал таких гордячек.

Он еще раз посмотрел на свое отражение в высоком стекле фасада и надвинул козырек на глаза. Даже то комичное впечатление, которое производила фуражка из-за того, что опустилась на голову глубоко, как севшее на мель судно, теперь было весьма кстати. Оно должно было дать Жеке чувства превосходства и снисходительности.

У окошка кассы оказалось безлюдно, но и за ним никого. Сквозь толстое оргстекло с отверстиями для переговоров и полукруглым вырезом над плоской стальной миской, куда клали деньги в обмен на билеты, Марат увидел прямоугольный стол, стоящий поперек кассы. Сверху одна на другой лежали схемы зрительного зала на разные сеансы. Часть мест – очевидно, проданных предварительно – была перечеркнута летящими, размашистыми крестиками. Сбоку синели пачки билетов по 30, 40, 50 копеек и стоял черный телефонный аппарат. Рядом на фиолетовой от чернил поролоновой подушечке лежал штампик, им на верхних билетах был уже проставлен единообразный оттиск сегодняшней даты: 6 августа 1975 года. Ниже столешницы виднелась ручка выдвижного ящика. В нём наверняка хранилась выручка. Благодаря своей худобе Марат мог бы до него дотянуться, просунув до плеча руку сквозь вырез в окошке.

Он точно знал, что приблизился к кассе бесшумно, тем более что был босиком. Но как-то его заметили. Сбоку из невидимого ему пространства появилась Жека. Ее волосы еще туже, чем вчера, были оттянуты от своих корней и схвачены на затылке, так что казались отлитыми

из бронзы. Квадратные солнцезащитные очки скрывали даже брови и придавали лицу непроницаемо-официальное выражение. Кремовая блузка была наглухо застегнута на нежной шее.

– Журнал уже кончился, начался фильм. Вход в зрительный зал после третьего звонка запрещен, – сухо сказала она, не садясь и даже не отодвинув стул. – Сейчас вы можете купить билет только на следующий сеанс. Также открыта предварительная продажа на завтра.

Да, инструкции она знала неплохо. Но, возможно, так щепетильно соблюдала их только сегодня, чтобы не дать контролеру зала ни малейшего повода обвинить ее в их нарушении.

– Я нарочно выбрал момент, когда у кассы нет людей, чтобы не отвлекать вас, потому что мне не нужен билет в кино, – сказал Марат, сдвигая фуражку на затылок. Только теперь она его узнала и покраснела от корней волос до ключиц – скрыть краску стыда или досады не помогли даже солнцезащитные очки. Но, опережая ее возмущение, он притронулся пальцами к козырьку и миролюбиво продолжил: – Эту фуражку, а вместе с ней плату за морскую прогулку я хочу вернуть тому моряку, с которым мы вчера ходили на катере. Но я не знаю, как это сделать, где его найти или хотя бы через кого передать. На катере мне подумалось, вы его знаете. Может, подкинете какую-нибудь идею? Ведь нельзя спорить с тем, что надо платить по счетам и благодарить за помощь, а он меня вчера здорово выручил – долг чести всякого порядочного человека...

На этих словах Жека его едко перебила:

– Сколько раз со вчерашнего дня я слышу это выражение! Все дружно помешались на каких-то долгах своей чести, совершенно не заботясь о чужой. Я не хочу иметь ничего общего с таким моряком и, где он, не знаю и знать не хочу. Кажется, вчера на катере я выразилась на его счет достаточно ясно. Хотя мне тоже неприятно, что Адик сорвал на нём какое-то свое зло. Скорее всего, без причины... Но будь ты поудачливее – встретился бы с ним на том месте, где стоишь. Утром он брал билеты на вечерний сеанс.

– Жаль, – сказал Марат. Он уже почти отошел от кассы, но вдруг повернулся на пятке и вновь очутился перед окошком. – А, кстати, мы могли бы устроить ему приятный сюрприз. Если вы мне покажете его места, я куплю билет на ряд сзади, войду по третьему звонку, когда погаснет свет, чтобы он меня не видел, и вдруг надену ему на голову фуражку. А уж когда повернется – отдам деньги за проезд. Так нам будет легче всего найти друг друга.

– Это невозможно, – холодно возразила Жека, – ты сам прекрасно знаешь, что я не имею права дать тебе билет на такой фильм, тем более на вечерний сеанс. Даже если я пойду на уступку, тебя – это однозначно – не пустит в зал контролер. И ты напрасно потратишь деньги, а я получу нарекание.

– Пустяки! – покровительственно сказал Марат. – Просто скажите, что вовсе меня не видели, ведь билет на меня мог взять и кто-нибудь посторонний, с гораздо более представительной, чем моя, внешностью. Контролера же я беру на себя: покажу паспорт – и недоразумения развеются.

– Могу я тоже взглянуть на этот документ? – спросила кассир, поджав губы в точности, как баба Шура.

– Не сейчас. Многие ли граждане ходят покупать билеты в кино с паспортом? Вот и я оставил его в куртке. Постоянно забываю, что мой рост вводит людей в заблуждение относительно моего истинного возраста. Сам-то я всегда прекрасно помню, сколько мне лет, и от худой комплекции меньше их не становится, но другим моей уверенности достаточно, конечно, не всегда, особенно тем, кто, как вы сейчас, находится на службе. Однако в данной ситуации, я думаю, это еще не повод гонять человека туда-сюда по жаре, не снисходя даже к его хромоте. Довольно и того, что ровесники и люди младше по возрасту беззастенчиво «тыкают» мне в общении. А когда я – всё же я клиент, а клиент, хоть и щуплый, всегда прав, так ведь вас учат? – подхожу к окошку кассы, Евгения Лунегова не ждет меня за своим рабочим столом, а сидит в рабочее время на мягком диванчике и через укрепленное на стене зеркало смотрит,

кто же это там стоит, и стоит ли он того, чтобы его обслуживать. Может, вы многих зрителей так разглядываете и сортируете. Но и это не повод требовать у вас жалобную книгу, правда? Я всего лишь прошу оказать мне маленькую услугу. Я подробно объяснил, для чего она мне. И обещаю, что никому о ней не скажу, хотя и сам не понимаю, от кого и для чего можно было бы скрывать такую безобидную мелочь, – миролюбиво закончил Марат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.